

Федеральное агентство по образованию

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

А. Г. Митрошкина, В. И. Семенова

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭХИРИТСКИХ И БУЛАГАТСКИХ БУРЯТ**

Иркутск 2004

УДК 809.423-086
ББК Ш164.2-51

Печатается по решению научно-методического совета
Иркутского государственного университета

Рецензенты: канд. филол. наук, доц. Ж. Д. Маюрова,
канд. пед наук Е. А. Ангархаева

Митрошкина А. Г., Семенова В. И. Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. – Иркутск: Иркут. ун-т. – 2002. – 72 с.

Работа представляет собой учебное пособие по бурятской диалектологии и предназначена для студентов 2-го курса дневного и заочного отделений факультета филологии и журналистики специальности “Филология. Бурятский язык”. Дается опыт предварительной сводки общих и отличительных черт на уровне фонетики и лексики эхиритского и булагатского диалектов, сосуществующих в западном регионе (Качугский, Баяндаевский, Боханский, Ольхонский, Баргузинский и Байкало-Кударинский районы). К работе приложена методика собирания фонетических и лексических диалектизмов применительно к говорам описываемых диалектов.

Работа может быть рекомендована диалектологам, преподавателям бурятского языка школ районов Иркутской области и Республики Бурятия.

Библиогр. 147 назв. Прил. 1.

© Митрошкина А. Г., Семенова В. И., 2004
© Иркутский государственный университет, 2004

Оглавление

Введение	4
§ 1. О так называемом эхирит-булагатском говоре.....	7
§ 2. Расселение эхиритских и булагатских бурят.....	19
§ 3. Эхиритский говор верхоленских бурят.....	25
§ 4. Язык ольхонских бурят.....	28
§ 5. Отношение языка баргузинцев к верхоленскому (качугскому) говору и булагатскому диалекту.....	32
§ 6. О говоре кударинских бурят в сравнении с другими западными диалектами.....	37
Краткие выводы.....	42
Приложение	
Методика собирания диалектизмов в регионах распространения эхиритских и булагатских говоров.....	47
Библиографический список.....	62
Принятые сокращения.....	71

Введение

Известно, что бурятский язык носит многодиалектный характер. Диалекты как этнографически обусловленные и территориально ориентированные феномены представляют собой неоценимый источник для изучения закономерностей развития языка и являются первоосновой становления литературного языка. Бурятские диалекты не составляют исключения в этом плане.

История исследования бурятских диалектов своим началом уходит в дореволюционную эпоху, а именно к 40-м гг. XIX в. Подробный анализ диалектологических и общезыковых работ тех времен провел Ц. Б. Будаев (1992, с. 4–6). В работе Ц. Б. Будаева упоминаются, в частности, основополагающий для бурятского языкознания труд Алексея Бобровникова “Грамматика монгольско-калмыцкого языка”, не утративший научной ценности и в наши дни и сделавший автора одним из классиков монголистики.

М. А. Кастрен, в 1848 г. путешествовавший по Бурятии в течение двух месяцев, написал научную грамматику бурятского языка на немецком языке (1857). В основе описания бурятского языка лежат материалы нижнеудинского, тункинского, хоринского и селенгинского говоров. Работу М. А. Кастрена высоко оценил академик Б. Я. Владимирцов (1927, с. 92), который считал, что “блестящий труд Кастрена намного опередил монголоведные работы той эпохи”.

Заслуживает внимания и “Грамматика монголо-бурятского разговорного языка” А. Орлова (1879). В 1887 г. вышло в свет на венгерском языке “Краткое сообщение о северном бурято-монгольском диалекте” Габора Балинта. Оно переведено на русский язык венгерским ученым Лайошем Бэшэ и хранится в рукописном отделе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Работа касается говора унгинских бурят.

Упомянутые труды построены на диалектном материале с уклоном общей характеристики разговорного бурятского языка как такового.

Дореволюционный период бурятской диалектологии располагает крупным исследованием, посвященным конкретному говору. Это труд А. Д. Руднева “Хори-бурятский говор”, вышедший в трех выпусках в 1913–1914 гг.

А. Д. Руднев выделяет в бурятском языке два наречия: южное, или забайкальское, и северное, или добайкальское, в которое включаются баргузинский, нижнеудинский, аларский, балаганский, тункинский, эхирит-булагатский, капсальский, унгинский и идинский говоры (1913, вып.1, с. 124).

Г. Д. Санжеев (1951, с. 112) построил классификацию диалектов бурятского языка на особенностях их грамматического строя и основного словарного фонда; он предложил следующую классификацию бурятских диалектов: 1) хоринский с агинским подговором, 2) цонгольский, 3) селенгинский (несакающий), 4) кабанско-баргузинский, 5) тункинский, 6) окинский, 7) нижнеудинский, 8) унгинский, 9) аларский, 10) боханский, 11) эхиритский, 12) булагатский. Заметим, что Г. Д. Санжеев разграничивает эхиритский и булагатский говоры.

В 1953 г. Д. А. Алексеев выступил со специальным докладом на научной конференции по вопросам бурятского языка, в котором охарактеризовал фонетические, морфологические, лексические особенности следующих говоров: хоринского, селенгинско-иволгинского, цонголо-сартульского, кабанского, баргузинского, тункинского, эхирит-булагатского, аларо-унгинского, боханского, нижнеудинского. По мнению Д. А. Алексеева, эхирит-булагатский диалект распространен на территории Эхирит-Булагатского, Баяндаевского аймаков и острове Ольхон Иркутской области (1955, с. 88). В заключительном слове Д. А. Алексеев заметил: “Принципиальных возражений против выдвинутых положений относительно территориальных бурят-монгольских диалектов не было. Споры шли в отношении определения количества диалектов, причем никто обоснованно, располагая материалами, не сказал, почему он возражает или настаивает на том или ином количестве диалектов (Алексеев, 1955, с. 113). Таким образом, вопрос о классификации бурятских говоров остался открытым.

Ц. Б. Цыдендамбаев в своей работе “К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят” (1968) коснулся вопроса о классификации этих говоров. Автор пишет: “Отдел языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, продолжая сбор диалектологических материалов, в 1962, 1963 и 1964 гг. провел работу по экспедиционному обследованию говоров добайкальских бурят... В мае–июне 1964 г. мы охватили экспедиционной работой бурятское население Эхирит-Булагатского, Качугского и Ольхонского районов... В результате поездок к добайкальским бурятам нами собран довольно значительный исследовательский материал” (1968, с. 164). В сноске на этой же странице автор указывает, что “материалы хранятся в рукописном отделе БФ СО АН СССР. Публикуемая статья представляет собой отредактированный доклад, сделанный автором на IV межвузовской зональной конференции языковедов Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в г. Улан-Удэ в сентябре 1964 года”. Как видно, доклад получил широкий резонанс среди языковедов Сибири и Дальнего Востока.

Ц. Б. Цыдендамбаев отметил, что говоры добайкальских бурят... существенно отличаются от других по ряду лексических, фонетических и морфологических признаков; особенно значительными являются лексические расхождения (1968, с. 164). С этим трудно не согласиться.

Но нас интересует вопрос классификации западно-бурятского диалекта (наречия), особенно язык потомков эхиритского и булагатского племен в связи с поставленной нами проблемой.

Ц. Б. Цыдендамбаев утверждает: “В современной литературе по бурятской диалектологии выделяются эхирит-булагатский говор, носителями которого считаются буряты, проживающие по Куде и Баяндаю, и качугский говор, носителями которого признаются буряты, проживающие в бассейне реки Лена (Б. В. Матхеев, 1968; А. Г. Митрошкина, 1968). По нашему мнению, достаточных оснований для выделения так называемого качугского говора не имеется. Материалы наших экспедиций показали, что на всей территории Эхирит-Булагатского и Качугского районов Иркутской области говорят на одном эхирит-булагатском говоре” (1968, с. 171). Автор приходит к выводу: “Итак, западно-бурятское наречие, по нашим данным, имеет в своем составе нижнеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский говоры” (1968, с. 173).

Далее Ц. Б. Цыдендамбаев пишет: “Чем объяснить предложение объединить некоторые говоры в один говор и многие говоры в одно наречие? По нашему мнению, это объясняется довольно просто. Раньше тот или иной исследователь брал заранее заданный, нередко в административном, географическом или в каком-либо другом отношении очерченный участок, исследовал его, часто не зная и не имея возможности знать, что лежит за этим кругом” (1968, с. 173). Это верное замечание подтверждает Б. В. Матхеев в своей ранней работе: “О том, какой именно говор граничит на северо-востоке с эхирит-булагатским говором, пока трудно сказать. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо произвести специальные диалектологические исследования на остальной неизвестной части территории Баяндаевского района. В настоящее время говорить о существовании двух самостоятельных говоров – эхиритского и булагатского – было бы не совсем правильно” (Матхеев, 1968, с. 45). Заметим, что работа Б. В. Матхеева построена на сравнительном рассмотрении так называемого эхирит-булагатского говора с бурятским литературным языком, согласно требованию к диалектологическим работам¹. И уровень изученности говоров в то время не позволял сравнивать смежные говоры: они в большинстве

¹ “В настоящее время специфика местного бурятского говора может быть установлена наиболее последовательно лишь по сравнению с бурят-монгольским литературным языком”. (Ц. Б. Цыдендамбаев, 1957, с. 5).

своим еще не были описаны. Поэтому качугский говор для исследователя эхирит-булагатского того времени был не известен.

Заслуживают пристального внимания и возможной реализации в практике диалектологических изысканий следующие мысли Ц. Б. Цыдендамбаева: “Бурятские диалекты сильно переплетены не только в территориальном, но и во временном отношении. Они сложились в результате как внутреннего развития, так и внешнего влияния. Одни из них уходят своими корнями в далекое прошлое, другие – обусловлены поздними событиями. Вот почему при дальнейшем углубленном изучении материалов... возникнет необходимость выделять, с одной стороны, диалекты по родству...; с другой – подговоры, находящиеся в составе тех или иных говоров... Есть основания говорить о хоринском, эхиритском и, может быть, булагатском диалектах. Но имеется ли такое же основание говорить о родстве хонгодорского и цонголо-сартульского диалектов?” Далее исследователь замечает: “По нашему мнению, например, эхирит-булагатский говор не делится на равнозначные подговоры: ни на эхиритский и булагатский, ни на собственно эхирит-булагатский и качугский, а в его составе находится верхоленский (качугский) подговор, который по отношению к говору занимает подчиненное положение” (Цыдендамбаев, 1968, с. 174).

Идея классификации бурятских говоров по родству, высказанная Ц. Б. Цыдендамбаевым, находит практическое воплощение. Так, В. И. Рассадин на большом фактическом материале показал, что действительно (вопреки сомнению Ц. Б. Цыдендамбаева) существует язык хонгодоров (говор по родству). Он пишет: “Все отмеченные факты свидетельствуют, что язык хонгодоров, или присаянских бурят, представляет собой своеобразный бурятский диалект, издавна занимающий промежуточное положение между западным и восточным бурятскими диалектами” (Рассадин, 1996, с. 159).

§ 1. О так называемом эхирит-булагатском говоре

В 1970 г. в Улан-Удэ выходит в свет оригинальная работа Б. В. Матхеева “О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья”. Примечательно то, что автор обращается к фонетической стороне диалектов. В языкознании признано, что фонетическая система языковых структур представляет важный уровень, так как он пронизывает как лексический, так морфологический и синтаксический уровни языка.

В работе очерчен круг административных единиц, где распространены эти говоры. В Иркутской области: а) Эхирит-Булагатский (ныне из него выделен в порядке восстановления Баяндаевский район – А. М., В. С.), Аларский, Боханский районы Усть-Ордынского Бурятского национально-

го округа; б) Качугский, Ольхонский, Нижнеудинский районы; В Бурятской АССР (РБ – А. М., В. С.) – Баргузинский, Кабанский, Тункинский аймаки (Матхеев, 1970, с. 52). Затем выявлена типология фонетических различий, которая традиционно названа автором “соответствия”. В составе соответствий представлены 11 типов, в том числе одно касается гласных ö-ÿ (с. 52–54).

Здесь Б. В. Матхеев, в отличие от работы “Очерки эхирит-булагатского говора” (1968), уже не говорит о таком говоре, перейдя целиком на этнографо-территориальное деление бурятских говоров. Так, “3. х’ – (с’– т’– ш). По данному признаку j-акающий диалект подразделяется на *эхиритскую* и *булагатскую* группы диалектов. Эти две группы названы нами по их этнонимам, так как в данном случае лингвистические ареалы в общем-то совпадают с этнической территорией эхиритских и булагатских родов: представители эхиритской группы диалектов живут к северу и востоку от географической линии, соединяющей населенные пункты Байтог – Гахан (Бажехан) – Бозой – Олой – Корсук – Мурин; а говорящие на булагатском диалекте располагаются юго-западнее линии бурятских улусов Кукунут – Харазаргай – Идыга – Булуса – Кулункун – Капсал” (с. 56). Следовательно, эхирит-булагатского говора как такового не существует, так как в нынешнем Баяндаевском районе с более полутора десятками родовых групп, расселенных в более 100 улусах² функционируют эхиритские говоры. Примечательно то, что об этом свидетельствует автор “Очерков эхирит-булагатского говора” (1968).

Далее приведены фонетические сведения по эхиритскому и булагатскому диалектам.

“Для эхиритского диалекта характерно архаическое произношение заднеязычного, мягкого, предвокального звука [х’], который в булагатских диалектных группах реализуется в виде [ш – с’– т’]. Примеры: *тах’аа* (*тас’аа – тат’аа*) ‘курица’; *арх’у* (*арши – арс’у – арт’у*) ‘вино’; *зах’аа* (*зашаа – зас’аа – зат’аа*) ‘заказал’” (Матхеев, 1970, с. 56).

Далее “б. ш’– с’ – т’; д – һ. По этим признакам общебулагатский диалект подразделяется на южно-булагатскую и северно-булагатскую группы. К первой группе относится речь той части общебулагатского диалекта, которая находится на территории административного Эхирит-Булагатского района... Вторая группа охватывает территорию нынешнего Боханского района. Южно-булагатский диалект характеризуется тем, что в нем общепурятский заднеязычный, щелевой предвокальный [х’] реализуется как переднеязычный, щелевой, двухфокусный, относительно мяг-

² Количество и названия эхиритских родов и подродов заимствованы из приложения к кандидатской диссертации В. И. Семеновой “Система личных имен эхиритских бурят”. Иркутск, 2002.

кий [ш], которому в северно-булагатском соответствуют мягкий свистящий [с'] или мягкий [т']. Примеры: *дашин* (*дас'ин* – *дат'ин*) 'снова'; *тамшан* (*тамс'ин* – *тамт'ин*) 'табак'; *урбааша* (*армаас'и* – *армаат'и*) 'рубашка'; *үмшэрхэ* (*үмс'ирхэ* – *үмт'ирхэ*) 'гнить'.

Указанному признаку сопутствует признак *д* – *h*, т.е. южно-булагатскому интервокальному [д] в северно-булагатском, как правило, находим регулярное соответствие звука [h]. Например, *садаад* – *саһаад* 'насытившись', *бодоод* – *боһоод* 'стоя', *моридоо* – *мориһоо* 'лошадей' (с. 58).

Теоретическое объяснение данных типов соответствий дали Л. Д. Шагдаров (1969, с. 23) и В. И. Рассадин (1982, с. 101). "Исторический [*к] в положении перед гласным [*i] отражается в восточных и южных говорах в виде [х'], в хамниганском – [к'], [х'], в западном – [с'], [т'], [х'], [ш]..." (Шагдаров, 1969, с. 23). "Таким образом, модификация [*к] под палатизирующим влиянием [*i] тоже имеет, как и само развитие [*к] либо в щелевой [х'], либо в смычный [к], двоякий характер, а именно: в одних говорах [к] в этой позиции перешел в смычный палатализованный [т'], в других – в щелевые палатализованные [с'], [х'], [ш']..."

Смычный палатализованный [т'] < [*ki] на месте литературного [х'и] нам приходилось слышать и у некоторых групп булагатов Иркутской области, например: *сот'и* 'бей' вместо *сох'и*, *барт'ирна* 'кричит' вместо *барх'ирна*, *манаэт'и* 'наш' вместо *манайх'и* (Рассадин, 1982, с. 101)".

Таким образом, различие [х'], [с'], [т'], [ш'] или [ш] представляет собой основополагающую черту между эхиритскими и булагатскими диалектами.

К сожалению, эта работа Б. В. Матхеева (1970) не нашла отклика у диалектологов Бурятии. Так, И. Д. Бураев (1996, с. 14) полагает: "Эхирит-булагатское наречие. Это собственно эхирит-булагатский говор, боханский и ольхонский говоры, а также говоры баргузинских и байкалокударинских бурят". Качугский говор не упоминается даже в ранге "подчиненного", как у Ц. Б. Цыдендамбаева.

Укажем, что В. И. Рассадин (1996, с. 8) об этой работе И. Д. Бураева заметил следующее: "...и эта классификация не может считаться окончательной, поскольку для двух говоров в ней не нашлось места, хотя, в общем, классификация не плохая".

На некоторые фонетические, а также морфологические и лексические различия между качугским и эхирит-булагатским (теперь южно-булагатским) обратила внимание А. Г. Митрошкина, заметив, в частности: "...говор качугских бурят своеобразен в фонетическом отношении не только в сравнении с литературным языком, но и со смежным эхирит-булагатским говором (1969, с. 55)".

Настоящий параграф посвящен вопросу о разграничении эхиритских и булагатских говоров.

Изучение эхиритских говоров сопряжено с рядом трудностей.

Семейно-брачные взаимоотношения в связи с законом экзогамии привносят много инодиалектных элементов в те или иные диалекты, говоры. Так, например, в улусе Шетхалун Баяндаевского района встречаются формы типа *тамт'ин* 'табак', *тат'аахай* 'курица', *хант'инаха* 'звенеть'. Оказалось, шетхалунцы брали жен из Осинского района, в частности, из улуса Каха. Еще пример. В улусе Олой Эхирит-Булагатского района (род Отоонхойн ишин булагатского племени) бытует частушка со словом *шоогой* 'коза', характерное для эхиритцев Качугского района: Шоогтоймнай шоогойтой... 'Шогтой (наш) имеет козу...'. Оказалось, эту песню сочинили поселенцы из улуса Басай Качугского района.

В Баяндаевском районе среди эхиритов и булагатов проживают потомки рода Хурамша. В фонетическом составе их речи сосуществуют как эхиритские, так и булагатские элементы, например: *тамшан* – *тамхин* 'табак', *шидага* – *хидага* 'деревянная продолговатая миска (для мяса)', но *хилар* 'косоглазый', *дахин* 'снова', *хируу* 'иней'. Встречается и явление монофтонгизации исконных дифтонгов, характерное для булагатского диалекта: *тэрэ бэе* – *тэрэ биш* 'та сторона', *һии* 'ночь', *хииндһө* 'ночью' вместо *һуи*, но *һуиндээ* как в качугском, *хамсуи* – *хамсы*, употребление [θθ] вместо [ээ]: *үхθθ* вместо *үхээ*. В лексике бытуют качугские формы *мугуй* 'деревянная колотушка' и *мугуйдаха* 'бить колотушкой', южно-булагатское *холпоо* вместо качугского *хулнаа* 'клоп'.

В улусе Олой, где, как говорилось, соседствуют басаевцы Качугского района, также параллельно существуют эхиритские и южно-булагатские элементы: юж.-бул. *ургы* вм. кач. *ургуй* 'подснежник', *мандагар* 'крепкий, большой' вм. кач. *ехэ*, *гоожуурга* 'блины' вм. кач. *билиинэ*; но *бэе* = *биш* 'сторона'; *бээжэ* вм. *пээсэ* 'печь', *тура* 'дом' вм. кач. *махтар* (<бага тура 'маленькая крепость'; ср. др.-тюрк. *tura* 'укрепленная крепость'). *Тура* в качугском говоре означает 'город' (подробнее см.: Митрошкина, 1968, с. 66).

В улусе Баазай (род Бүүбэй булагатского племени) наблюдается аналогичное явление: *һуи* 'ночь', *харанхы һуи* 'темной ночью', но *һуни* 'ночью'; *хиш* морин 'воронья лошадь', ср. кач. *хээр морин* 'гнедая'; *хюруу* 'иней' вм. кач. *хируу*, бул. *шируу*, *тамхин* 'табак', но и *тамшан*, наряду с *тамшин*, *хамсы* 'рукава, рукав' вм. кач. *хамсуй*.

Приведем некоторые соответствия звуков, грамматических и лексических явлений в этих смежных говорах, опираясь на работы Б. В. Матхеева (1968)³ и А. Г. Митрошкиной (1968).

Различия в области фонетики

М/н, б/м: кач., лит. *шэбэнэхэ* – юж.-бул. *шэмнэхэ* ‘шептать’, *үмдэн* – *өндөн* ‘брюки’; **г/ј:** *гэрхи, жэрхи* – *јэрхи* ‘бурундук’; **л’/г/ј:** *зал’л’аха, залгиха* – *зал’јаха* ‘глотать’; **н/ј:** *гуннинаха, гоншохо* – *гонјонохо* ‘гнусавить’; **ј/д:** *јэбдэхэ, дэбдихэ* – *дэбдэхэ* ‘постлать’; **д/һ:** *дуудаха* – лит., юж.-бул. *дууһаха* ‘исчерпывать’; **д/ш:** *абаадаха* – лит., юж.-бул. *абаашаха* ‘унести, увезти’; **с/ш:** *сархи* – лит., юж.-бул. *шархи* ‘лапоть’.

Общеизвестно, что для западных диалектов характерно наличие в них самостоятельной гласной фонемы [θ]. Однако в реализации этой фонемы в словах характерна большая частотность в южно-булагатском говоре по сравнению с качугским. Приведем некоторые примеры: кач. *зэмэлхэ* – юж.-бул. *зөмөлхө* ‘обвинять’, *эмдэхэ*, лит. *эбдэхэ* – *өндөхө* ‘ломать’, *зэмһэн* – *зөмһөн* ‘гостинец’, *сэмэ*, лит. *сэмбэ* – *сөмө* ‘сукно’. Различия в частотности фонемы [θ] наблюдаются в одном и том же говоре. Как свидетельствует М. П. Хомонов (1965, с. 41), в каждом говоре “в известной мере проявляется бывшее племенное деление... Буряты по долине реки Оса говорят больше θ, а по долине Иды – γ”.

Другие соответствия гласных: **ү/#: үһэн** – *һүн* ‘молоко’, **э/#: эһэгээ**, лит. *һэеы, һэјээ* ‘войлок’, **э/ү:** *гэдэргээ* – *гүдэргэ* ‘назад’, **аэ/аа:** *шаэнаг* – *шаанаг* ‘чайник’, **оо/оэ:** *мохоо* – *мохоэ* ‘тупой’, **а/и:** *аЁрьха* – лит., юж.-бул. *ираха* ‘листья (страницы)’, **а’о:** *наЁданда* – *н’одондо* ‘в прошлом году’, **а/уу:** *бульжамар* – *булжамуур* ‘жаворонок’, **у/уу:** *мухай* – лит., юж.-бул. *муухай* ‘некрасивый’ – от *муу* ‘плохой, дурной, скверный’, **уй/ии, ы:** *харгуй* – *харгии, харгы*, лит. *харгы* ‘дорога’, **јэ/ии:** кач., лит. *тэрэ бэјэ* ‘та сторона’ – *тэрэ бии*, *эјэ/ии:* *хэјэр* (морин) ‘гнедая (лошадь)’ – *хиир* (морин) ‘вороная (лошадь)’.

Беглый обзор фонетических систем южно-булагатского и качугского говоров свидетельствует о следующем. Различия их обнаруживаются как в корпусе гласных, так и составе согласных. В области согласных – это, прежде всего, своеобразные рефлексы исторического [*к] перед [*і] в южно-булагатском говоре в виде [с’], [т’], [ш], который в качугском однозначно реализуется как заднеязычный [х’]. Многочисленны соответствия гласных и согласных. Все это говорит о том, что звуковые системы сравниваемых говоров отличаются в правилах функционирования их единиц в

³ Полагая, что работа Б. В. Матхеева отражает в этой части черты булагатского диалекта.

словах. Приведенного достаточно для вывода о том, что перед нами разные фонологические системы качугского и булагатского диалектов. Звуковая система качугского говора гораздо ближе к таковой литературного языка, главным образом в рефлексе исторического *ki, тенденции к монофтонгизации дифтонгов южно-булагатского. Много случаев, когда вместо [θ] южно-булагатского в качугском реализуется [э], как и в литературном языке. В южно-булагатском частотна долгая фонема [θθ], ср. *yxθθ* вм. *yxээ*. Немало различий и внутри южно-булагатского говора, обусловленных смежным проживанием эхиритцев и булагатцев. В языке хурамчинцев наблюдается смешение качугского и южно-булагатского говоров.

Различия в области морфологии

В области морфологии сравниваемых говоров особенности незначительны, поскольку грамматическая система языка меняется самыми медленными темпами по сравнению с фонетической, которая в этом отношении занимает второе место после лексической.

В южно-булагатском (эх.-бул.) бытует форма множественного числа на *-һууд/-һүүд*, не встречающаяся ни в одном другом говоре и в литературном бурятском языке. Б. В. Матхеев (1968, с. 10) считает, что она состоит из двух формантов *-с + -ууд/-үүд* и употребляется в словах с конечными долгими гласными: *буу* 'ружье' – мн.ч. *бууһууд* 'ружья', *элеэ* 'стервятник' – *элеэһүүд* 'стервятники'.

В сравниваемых говорах своеобразно употребляется и формант *-нууд/-нүүд*. Так, *-нууд/-нүүд* в южно-булагатском употребляется только при именах прилагательных: *хара* 'черный' – *харанууд* 'черные', *ехэ* 'большой' – *ехэнууд* 'большие' (Матхеев, 1968, с. 10).

В качугском говоре этот формант одинаково частотен в именных словах: *тармуур+нууд* 'грабли', *гэр+нүүд* 'дома, юрты', *мухаэ+нууд* 'некрасивые', *шара+нууд* 'желтые' (Митрошкина, 1968, с. 56). Ограниченное употребление форманта *-нууд/-нүүд* в южно-булагатском, вероятно, объясняется наличием в нем форманта *-һууд/-һүүд*, реализующегося в именах существительных.

В употреблении общепурятского форманта *-д* различие сводится к стилистическим вариантам. Так, если в южно-булагатском, качугском *-д* присоединяется к именным основам на дифтонги, [-р], [-л], неустойчивый [н], а в литературном языке ему соответствует *-нууд/-нүүд*: *гахай* 'свинья' – *гахад* 'свиньи', *нохой* 'собака' – *ноход* 'собаки', *нѳхѳр* 'друг, товарищ' – *нѳхѳд* 'друзья, товарищи', юж.-бул. *јамаан*, кач. *нимаан* 'коза домашняя' – *јамаад*, *нимаад* 'козы'. Литературная форма множественного числа *-нууд* в качугском говоре вместо *-д* употребляется в случае, когда слово обознача-

ет человека: ср. *ноход* – *нохойнууд* ‘собаки’ (о людях с негативной оценкой), например: *энэ нохойнууд юу хэжэ байнаб* ‘что делают эти собаки’.

В системе падежных формантов различие сравниваемых говоров касается только исходного падежа. В южно-булагатском аффикс этого падежа имеет открытую форму на краткий гласный *-ha/-hэ/-ho/-hθ*, *-gha*, тогда как в качугском – закрытую форму *-han/-hэн/-hon/-hθн*, *-gahan* вместо литературного *-haa/-hээ/-hoo/-hθθ*, *-ghaa*. Примеры: *хонин* ‘овца’ – кач. *хонинhon*, юж.-бул. *хонинho*, лит. *хонинhoo* ‘с овцы’; *Москва* – *Москваhan*, *Москваha*, *Москваhaa* ‘из Москвы’; *сан* [санг] ‘жесть’ – *сан-gahan* [санг+gahan], *санgha*, *санghaa* ‘из жести’. Здесь, видимо, имеет место фонетическая модификация закрытого слога *-han*, в котором выпал конечный носовой [н] в условиях функционирования в булагатском и литературном языке. В результате этого в булагатском образовался открытый слог с сохранением краткого гласного, а в литературном произошло удлинение этого гласного как восполнение звуковой протяженности словоформ. В. И. Семенова считает, что юж.-бул. *моринho* значит ‘с коня вообще’, а *моринhoo* ‘со своего коня’.

Относительно формы родительного падежа А. Г. Митрошкиной (1968, с. 57) выявлено следующее. В качугском говоре различаются родительный атрибутивный и родительный самостоятельный. Под родительным самостоятельным понимается форма имени, которая употребляется не атрибутивно, а в однословном ответе на вопрос или обозначает время действия. Аффиксами родительного самостоятельного в качугском говоре, как и в литературном языке, является *-ай* (*-ой*, *-ээ*), *-гай*. Примеры: – *Энэ юуни мяхам?* ‘Это какое мясо?’ – *Ангай* ‘Зверя’, или – *Хониной* ‘Баранина’; – *Энэ хэни нохойб?* ‘Это чья собака?’ – *Шараанай* ‘Шарана’ или – *Обогой* ‘Обога’, – *Сэмээнээ* ‘Семена’. Аффикс литературного языка *-ын* соответствует в качугском говоре аффиксу *-айн*. Например: кач. *хадайн* вм. лит. *хадын* ‘горы’. Аффикс *-н* употребляется со словами, оканчивающимися на дифтонги: *харгуй* ‘дорога’ – *харгуйн* ‘дороги’.

В родительном атрибутивном падеже употребляются аффиксы *-а* (*-э*, *-о*, *-θ*), *-и*. Примеры: *модон* ‘дерево’ – *модни намаа* ‘листья дерева’, лит. *модоной набшаhan*, *тθмθрθ йэбэн* ‘ржавчина железа’, лит. *түмэрэй жэбэ*; *намара үдэр* ‘осенний день’, лит. *намарай үдэр*; *булаг* ‘ключ, родник’ – *булаji толгой* ‘исток ключа’, лит. *булагай эхин*. Добавим, что в форме *булаji* аффиксом является *-и*, так как в основе *булаг* при приращении названного окончания произошла замена заднеязычного *g* на *j*, ср. лит. *булагай*; *хүрээji эшэ* ‘черенок пилы’, лит. *хүрθθгэй эшэ*. Следовательно, не следует ли считать *j* как вставку между гласными? Таким образом, при атрибутивном употреблении слов в родительном падеже ставится грамматический вопрос *юуни?* А при самостоятельном – *юунэй?* Формы родительного па-

дежа в сравниваемых говорах абсолютно идентичны, только их толкования у разных авторов разные. В отличие от приведенного толкования (атрибутивного и самостоятельного) Б. В. Матхеев (1968, с. 14) считает, что аффикс -а (-э, -о, -θ) соответствует литературному -ай (-эй, -ой) в первом склонении. Примеры: эх.-бул. *гали* или *гал'а* – лит. *галай* (огня); эх.-бул. *морни* или *мор'н'о* – лит. *мориной* (лошади); эх.-бул. *дэгэли* или *дэгэл'э* – лит. *дэгэлэй* (шубы). Литературный вариант встречается, главным образом, в песнях. Но не исключена возможность его употребления и в других жанрах фольклорной речи. Приводим запись одной песни-четверостишия:

Мориной хүрданда	Пока конь еще быстр
Монголдоо ошојо...	Поедем в Монголию...

Далее автор пишет: “Совпадение родительного падежа при данной основе с таковым литературного языка имеет место еще и случае, когда форма родительного падежа выступает в предикативной роли. Например: Энэ хүбүүн манай (Этот мальчик наш). Энэ м'ахан үхэрээ (Это мясо говядье)” (там же). При постановке вопроса *юунэй?* Возможен однословный ответ: *манай, үхэрэй*, что мы называем родительным самостоятельным.

В других именных частях речи не наблюдаются значительные различия в сравниваемых говорах. Однако нами обнаружена оригинальная форма вопросительного местоимения в южно-булагатском говоре – *Энэ жуу жаа?* ‘Что это такое?’ вм. качугского *юум гаа?* или *юум?* В форме *жуу жаа*, как нам кажется, выпала фонема [м], [j] соответствует [г]. Здесь имеет место фонетическая модификация элементов словосочетания.

Повелительно-желательная форма 1-го лица в южно-булагатском образуется посредством суффикса -ы: *ошы* ‘пойдем’, *хэлы* ‘давай скажем’ (с. 20). В качугском этому суффиксу соответствует -ии: *ошојии, хэлэјии*, где [j] – есть вставка между гласными. Разница здесь в отсутствии [j] в южно-булагатском.

Вежливая форма обращения ко 2-му лицу на -гтуун (*хуугтуун*) в качугском говоре не употребляется. Ей соответствует -гтуй (*хуугтуй* ‘сидеть’).

Формы обращения ко 2-му лицу с различными оттенками в южно-булагатском: -шаам, -тайм, -бии, -ыт (с. 20); в качугском наряду с этими еще -шняам, -тнайм, например: *ерэхшаам, ерэхиньяам* ‘приди же’, *ерэхэтнаэм* ‘придите же’.

Деепричастие предела в качугском говоре образуется посредством суффикса -сар (-сэр, -сор, -сθр) вместо южно-булагатского -са (-сэ, -со, -сθ): *бусалсар* ‘до тех пор, пока не вскипит’ – *бусалса, θтθлсθр* ‘до тех пор, пока не состарится’ – *θтθлсθ*. Суффикс -са (-сэ, -со, -сθ) в качугском образует наречия: *харьяса бусалха* ‘бурно кипеть’ (Митрошкина, 1968, с. 58).

Желательная форма обращения в южно-булагатском имеет сингармоничный суффикс -ааһай (Матхеев, 1968, с. 21), в литературном -һай, а в качугском – несингармоничный -ааһайб. Примеры:

	эж.-бул. (южно-булагатск.)	литературный	качугский
1-е лицо	ошоһойб	ошоһойб ‘ушел бы я’	ошооһайб
2-е лицо	ошоһойш	ошоһойш ‘ушел бы ты’	ошооһайш
3-е лицо	ошоһой	ошоһой ‘ушел бы он’	ошооһай

Модальная частица -шуу (со значением вероятности) южно-булагатского (Матхеев, 1968, с. 22) соответствует качугской -бшуу, которая ближе к исходной форме *адли бэшэ гу?* ‘не одинаковый ли?’.

Частица со значением предположения -бтар южно-булагатского (*ун-шажжа шадхабтар*, там же) в качугском говоре отсутствует.

Частица подтверждения южно-булагатского -гхиим (*нохой-гхиим* ‘ведь это собака’, там же) в качугском соответствует форме -хиим (*нохой-хиим*).

Б. В. Матхеев приводит ряд примеров с частицей подтверждения -гаа: *тэрэн гаа* ‘тот, та, то’, *дорон гаа* ‘внизу у него’, *урайн гаа* ‘впереди у него’, *мориин гаа* ‘лошадь его’, *хабар гаа* ‘весной’, *хура гаа* ‘дождь’, *саарһан гаа* ‘бумага’. Эта частица в качугском соответствует суффиксу -теэ(д): *морьниин теэ*, *хабарниин теэ*, *саарһан теэ*.

Как видно, системы грамматических категорий в сравниваемых говорах в основном адекватны, что вполне естественно. Различия касаются отдельных категорий в составе частей речи: а) форм родительного падежа – в юж.-бул. -һууд, в системе падежных аффиксов различия в исходном падеже на базе фонетических модификаций: кач. -һан, юж.-бул. -һа, лит. -һаа. Здесь выпадение конечного [н] сказалось в открытом характере форманта в южно-булагатском говоре и удлинении гласного в литературном языке, в котором имеет место восполнение протяженности после выпадения [н].

Находим соответствия и в формах обращения -шаам/-шням, -тайм/-тнайм, а также в деепричастных формах -сар/-са. В южно-булагатском бытует форма -гтуун, не встречающаяся в других говорах и в литературном языке.

Различия в области лексики

Ниже сравнительно рассмотрены наиболее ранние лексические единицы, которые можно отнести к основному словарному фонду диалектов бурятского языка. К нему относятся, прежде всего, названия частей тела человека, термины родства, названия одежды, домашней утвари и т.д.

Названия частей тела человека. В южно-булагатском не зарегистрировано слово *маахай* ‘затылок’, в лит. *маахай* ‘лоб’ (у животных, шара маахай, хор. ‘большой медведь – самец-одиночка’). Юж.-бул. *хүмхэ* ‘кадык’ – кач. *мθθрһэн хоолой*.

В составе *терминов родства* различия в сравниваемых говорах более многочисленны, чем в названиях частей тела человека. Вот некоторые примеры: юж.-бул. *тθθ эзы* – кач. *тθθдээ* ‘бабушка’, *хвгшэн – эрэ* ‘муж’, *һамган – изии* ‘жена, супруга, иногда – женщина’, *швргθ хүбүүн – дахуул хүбүүн* ‘добрачный сын’, юж.-бул. *хүнгрээ* ‘ласкательное обращение к девочке’ – в кач. ругательное слово по отношению к женщине, а у хурамчинцев есть личное имя *Хүнгрээ* (значения исходного слова они не помнят). В юж.-бул. *бүүбээ// уубай// буубай* ‘ребенок, дитя’ – в кач. *нилха* ‘новорожденный’, *маадиш* ‘ребенок’. Слово *бүүбээ* в означенном значении в качугском некогда бытовало, так как в там имеется словосочетание *уубайлһан баабай* ‘пеленавший отец’. Юж.-бул. *бодоо* ‘обращение к детям’ – в кач. *неонео*. У южно-булагатцев бытует *Бүүбээ* как название рода (улус Баазай).

Слова-характеристики людей. Юж.-бул. *ајагоэ*, в Олое *ёһо буруу* – кач. *юһэгүэ* ‘неудобно, неловко’ – от *юһэн* ‘вид’. В качугском бытует однокорневой глагол к *ајагоэ* – *ајагалха* ‘манерно себя вести’, ср. *аяг* ‘поведение, нрав’. Ср. еще *ајагтай*, которое функционирует, в частности, в песне “*Аягтай хониортой Алаэраэ Баталай – хониор*” ‘шутка’. Юж.-бул. *залан* – кач. *шэхэ* ‘прямой, бесхитростный’, *салин* – *салимтай* ‘сумасбродство, безумие’ (здесь соответствие согласных н/м + суффикс *-тай* со значением наличия признака по основе), *шуумар* – *шуумгай* ‘быстрый, энергичный’. *Шуумгай* сохранилось в качугском в песне:

“*Ишоо эртэ гэсэрэм орохо наран шуудамгай, ишоо залуу гэсэрэм ӨтӨлхӨ наһан шуудамгай*” ‘Как ни думал, что рано, солнце спешит к закату, как ни думал, что молод, старость спешит’. Здесь корень имеет форму *шуу-* + суффикс *-дам*, ср. *бардам* ‘чванливый, кичливый’. В *шуумар* суффикс *-мар*, ср. *шадамар* от *шадаха* ‘ловкий, умелый, искусный’. Ср. *шуумар* – *шуу-дам*.

Юж.-бул. *һархуу* – кач. *ӨгӨлиг* ‘нерасчетливый’. *ӨгӨлиг* – от *ӨгӨхӨ* ‘давать’ + суффикс *-лиг* < тюркский суффикс прилагательного *-liγ (+liγ)* со значением обладания, наделенности по исходной основе (ДТС, с. 656).

Слово *θгθлиг* (хүн) встречается в пословице: *θгθлиг хүн θθртθθ хооһон* ‘дающий – сам без ничего’. Пока нам не удалось обнаружить в южно-булагатском слов с суффиксами -уур, -оон, присущих качугскому говору: *булхагануур* – *булхайха* ‘быть надутым’, *шарбагануур* – ср. *шарбаганаха* ‘лебезить, заискивать’, *хорьжоон* – ср. *хор’јохо*, пер. ‘быстро говорить’, в качугском прозвище *Хорьжоон* (или *Дорьжоон*) *Пидуус*; в булагатском – *хорьюур* ‘болтливый, речистый’, в боханском – *хорьеһон харьяһан хүн* ‘балагур, краснобай’.

Термины земледелия. Юж.-бул. *боодолго* – кач. *хулигэ* ‘сноп’. Они образованы от синонимичной пары *боохо* и *хулихэ*: *боохо* ‘завертывать, обертывать’, юж.-бул. *боодолго* ‘связка, сверток; сноп’. В кач. *боодолго* ‘шнурок для подвязывания унтов на ногах’. *Хулигэ* – от *хулихэ* ‘связывать’ – отсюда *хулигэ* ‘сноп’. *Тарьян* – в юж.-бул. ‘хлеб на корню’, в качугском говоре кроме этого значения – ‘пашня’, различают, например, *урда тарьян* ‘южные пашни’, *хоэто тарьян* ‘северные пашни’. Юж.-бул. *наншаха* – кач. *нахшаха* ‘молотить хлеб’. Юж.-бул. *ороод* – кач. *хара талхан* ‘зерно’. Юж.-бул. *хадалан* – кач. *хадса* ‘покос’.

Термины ремесла. Юж.-бул. *шударга* – кач. *харуур* ‘рубанок’. Юж.-бул. *шахмар* – кач. *мугуй* ‘деревянная колотушка’, отсюда *шахмаардаха* и *мугуйдаха* ‘бить деревянной колотушкой’. Юж.-бул. *хахаадаһан* – кач. *шаантаг* ‘клин’. Юж.-бул. *зартагай* – кач. *хабтагай* ‘доска’. В кач. *зартагай* ‘осколок от доски’. Юж.-бул. *зунгааһан* – кач. *зумгааһан* ‘щепки’.

Названия предметов домашнего обихода. Кач. *согдо һθхθ* ‘топор-колун’ – юж.-бул. *сонхор һүхэ*. Кач. *Улирбэ* – юж.-бул. *хусхаа* ‘тиски’. Кач. *зиимхэ* – юж.-бул. *хабшуурга* ‘щипцы угольные’. Кач. *тэпхээр* – юж.-бул. *матаар* ‘крынка’.

Животный мир. Дикие животные, рыбы, птицы, насекомые. Кач. *зумари* – юж.-бул. *θршθ* ‘суслик’. Кач. *борьжоохой* – юж.-бул. *борл’оохой* ‘воробей’. Кач. *сороонхи* – юж.-бул. *саазгаэ* ‘сорока’. Следы бытования в прошлом слова *саазгаэ* в качугском обнаруживаются в словосочетании *хэн хэрээ саазгаэ мэдээб гаа* ‘в смысле: кто его знает’. Кач. *јолоо* – *јолоон* ‘елец’. Кач. *хадран* – юж.-бул. *хадрин* ‘хариус’. Кач. *губшаха* – юж.-бул. *зθтхθхθ* ‘ловить рыбу сетью’. Кач. *нохор аляаһан* – юж.-бул. *боргоһон* или *нюдэ аляаһан* ‘мошка’. Кач. *хулпаа* – юж.-бул. *хабтагай* ‘клоп’.

Термины животноводства. Кач. *хадса* – юж.-бул. *хадалан* ‘покосы’, Кач. *булхаа* ‘волокуша для сена’ – юж.-бул. *нахшуурга* ‘волокуша для погрузки сена’. Кач. *хубай* ‘окрик при дойке коров’ – юж.-бул. *эрмэг* ‘яловый’. Кач. *һаа* – юж.-бул. *һалбай* ‘Стой! Окрик при дойке овец, коз’. Кач. *нимаан* – юж.-бул., лит. *ямаан* ‘домашняя коза’. В качугском наряду с *нимаан* бытует слово *шоогой*. Это интересное слово есть и в ольхонском и баргузинском говорах, возможно, сохранилось и в байкало-кударинском.

Выше оно упоминалось в связи с языком бурят села Олой. В качугском говоре оно нашло отражение и в местной частушке (как и у олойцев из села Басай): “*Хэлээш хадаа хэлээрээ – хэрээ нимаан болохоэльби, шоглоош хадаа шоглоороз – шоогой нимаан болохоэльби*” ‘Оговаривай, оговаривай – не стану вороной (птицей), насмехайся, насмехайся – козой не стану’. Кстати, Ц. Б. Цыдендамбаев не упомянул, что слово *шоогой* бытует в баргузинском, хотя назвал в этом ряду качугский и ольхонский говоры (1968, с. 165). Существует ли оно в байкало-кударинском – предстоит выяснить. Нам представляется, что *шоогой* состоит из корня *шоо-* + *гой*, ср. *мо-гой* ‘змея’, *тол-гой* ‘голова’. *Шоо* может выступать и в качестве словоформы, об этом свидетельствует словосочетание “*Хүүжэ ада шоо үзэхэ*” ‘ненавидеть человека’ наряду со словосочетанием “*Ада үзэхэ*”, где *ада* ‘бес, злой дух, нечистая сила’. Также Ц. Б. Цыдендамбаев неточно определил регионы бытования словосочетания *дуи бар’ха* ‘песни петь’. Ц. Б. Цыдендамбаев пишет⁴: “Правда, данных, собранных отрядом, мало. Но и они свидетельствуют о том, что язык бурят, живущих по северному побережью Байкала, западнее села Курмы, и на острове Ольхон, в основном тот же, что и язык байкало-кударинских бурят. Например, там можно встретить *загъуун* вм. *загаһан* (рыба), *дуи бәр’ха* вм. *дуу бариха* или *дуулаха* (петь песни), *м’орон* вм. *морин* (лошадь) и т.д. Язык же бурят, живущих в более восточной части северного побережья Байкала и острова Ольхон, сильно напоминает язык баргузинских бурят. Здесь говорят *загъуун* (рыба), *шоогоэ* вм. *ямаан* (коза), употребляется модальная частица *браэ – арлаа браэ* (кажется, ушел) и т.д.

Вполне возможно, что между этими частями байкальского побережья имеются некоторые языковые различия. Тем не менее, для нас стало ясно, что в рабочем... порядке уже можно говорить, во-первых, о включении в территорию баргузинского говора сел Кочериково, Онгорены и Замы Ольхонского района; во-вторых, о выделении ольхоно-кударинского говора (в двух сносках делаются ссылки на авторов предыдущих работ)” (1968, с. 172).

Неубедительность такой классификации вытекает из следующего. Она построена на определении словоформ. Во-первых, *дуи бәр’ха* бытует не только в указанных регионах, но и в Качугском районе. Во-вторых, слово *шоогой* существует во всех указанных говорах, включая и качугский. В-третьих, форма *м’орон* имеет место и в качугском говоре. Исключение составляет модальная частица *браэ*, происхождение которой нам не известно. Какая она по времени образования и бытования? Форма же *загъуун*, должно быть, позднего образования, связанная с выпадением ин-

⁴ Просим извинить нас за подробные ссылки, но без них читателю невозможно будет понять работу Ц. Б. Цыдендамбаева.

тервокального согласного, что должно найти оценку при классификации, основанной на историко-этнографическом фоне.

Кстати, профессор Г.Д. Санжеев (1951, с. 112) различал эхиритский и булагатский диалекты на базе грамматического строя и основного словарного фонда. Б. В. Матхеев это мнение подтвердил на фонетическом уровне.

Итак, классификацию западнобурятских говоров, предложенную Ц. Б. Цыдендамбаевым, следует считать несостоявшейся.

Мы настаиваем, что классификация бурятских диалектов (говоров) должна быть построена по этнографо-территориальному принципу. Иными словами, при классификации должны учитываться вопросы происхождения и расселения бурятских родов. Прежде всего, должна учитываться миграция бурятских родов и их смежное проживание. При этом должны выявиться материнские и дочерние регионы, следовательно, материнские и дочерние говоры. При историческом рассмотрении диалектного материала должно выявиться то, что было характерно в период совместного проживания людей, и то новое, оригинальное, что произошло в структурах говоров в последующие эпохи.

Далее мы приводим материалы по миграции бурятских родов и их современный состав в населенных пунктах. Затем будут кратко рассмотрены общие черты эхиритских говоров. Выше мы привели материалы, свидетельствующие о том, что качугский говор не может быть подчиненным искусственно, лабораторно созданному эхирит-булагатскому говору. Он является, как будет видно ниже, материнским говором потомков эхиритских родов. Больше того, качугский говор не подвергался влиянию каких-либо других говоров. Следовательно, языковые связи его должны служить эталоном при сравнительном исследовании дочерних диалектов.

§ 2. Расселение эхиритских и булагатских бурят

Вопрос о происхождении и расселении бурят к началу XVII в. достаточно хорошо освещен в научной литературе. Но это не значит, что все проблемы в этой области получили разрешение. До сих пор остается много невыясненных вопросов. Одной из причин такого положения является то, что исследователи часто были вынуждены опираться на устные народные предания и родословные, сведения которых порой не полны и противоречивы.

Среди западных бурят ведущее место занимают булагаты. Большинство исследователей согласно с тем, что булагаты составили основу этнической общности бурят. Но наряду с булагатами в древних монгольских и

персидских хрониках и в бурятских преданиях неизменно упоминаются эхириты и хори.

Имеющиеся разногласия в версиях о принадлежности отдельных родов к тому или иному племени не позволяют окончательно разрешить вопрос о родоплеменном составе бурят.

Прародиной булагатского племени считается долина реки Куда, ее среднее течение – от устья реки Мурин до улуса Бозой. Центром и священным местом булагатских родов были горы Ухыр-Манхай и Удэгэ-Булен, где, по преданию, был похоронен племенной материнский послед (Свинин, 1995, с. 79). В последующем из-за нехватки земель и распрей с другими родами, живущими севернее, родовые группы булагатов стали переселяться на новые территории.

Судя по преданиям, одним из наиболее древних среди булагатских является род Алагуй. Алагуевцы проживали в долине реки Бугульдейка в улусах Бугульдейка Ольхонского района, Куяда Эхирит-Булагатского района Иркутской области. В Бурятии их потомки проживают в Оронгое Иволгинского района, Баянголе Баргузинского района, в Кабанском районе в селе Корсаково, в Джидинском районе в Инзагатуйе, алагуевцы проживают и в Мухоршибири и Еравне.

Еще один древнейший булагатский род – Готол – занимал долину реки Ида. Готольцы проживали в селах Тараса, Бохан, Булык, Хандагай, Заглик, Хэретин, Шунта, Хартирген, Хохорск, Ижелха Боханского района. В Осинском районе – в селе Молой. Проживали они и в Алари, и среди нижнеудинских бурят. В Бурятии готольцы расселились в Селенгинском, Закаменском районах.

Потомки булагатского рода Ашабагат проживали по Оке и Уде, в верховьях Куды в селах Кукунут, Эдыга, Харазаргай Эхирит-Булагатского района, в Большом Голоустном Иркутско-сельского района; В Бурятии – по Чикою и Хилку в Шараголе, Кирети, в Кабанском районе в Хандале, Кударе.

Следующий булагатский род Хурхуд был расселен в Аларском и Нукутском районах и по Китою. В Бурятии потомки хурхутов многочисленны в Тункинском и Закаменском районах.

Судя по преданиям, большинство остальных булагатских родов является ответвлениями вышеназванных или появились в составе булагатов позднее. Значительная часть булагатов ведет свое происхождение от Батлая – Батлайн долоон “Батлаевская семерка”, в которую входят следующие подроковые группы: 1. Эдэгэ, 2. Харанууд, 3. Балдай, 4. Шаралдай, 5. Бубай, 6. Нуламзан, 7. Бозой (Нимаев, 2000, с. 147).

Подрод Харанууд населяет села Харанут, Капсал Эхирит-Булагатского района, Малое Голоустное Иркутско-сельского района, Ма-

таган Осинского района. В Бурятии харанутцы проживают в Оронгое Иволгинского района, в Убукуне и Темнике Селенгинского района.

Шаралдаевцы проживают в улусах Маньково, Укыр, Хоргиллок, Дундай, Харагун Боханского района. Часть шаралдаевцев проживает в Бурятии по Иволге, Оронгою и Селенге и в Мухоршибири.

От Бубая произошла так называемая “Бубаевская восьмерка” – Бубайн найман. Бубаевцы проживают в Отонхое, Олое, Корсуке Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

Многочисленная ветвь булагатов ведет свое происхождение от Обогона – правнука Булагата. Его сыновья – Хогой, Онгой и Онхотой – стали прародителями соответствующих поколений (подродов). Их потомки заняли долину реки Оса и ее правые притоки, реки Каху и Обусу. Хогой – улусы Каха, Молька. Есть хогоевцы и в Эхирит-Булагатском районе в селах Кулункун и Булуса. Потомки Онгоя расселены в Улее, Онгое, Кутанке Осинского района, Есть они и в Аларском – в Нельхае, Нукутском районе – в Заходах.

Известны и другие родовые группировки булагатов: Эрхидэй, потомки которого проживали в селах Эрхидэй, Бильчир Осинского района; Янгуд, потомки которого расселены в Русских Янгутах и Бурят-Янгутах Осинского района, а также в Бурятии в Тунке, Торах и Загустае Кижингинского района. Подрод Олзой расселен в Нукутском районе, в основном в Закулее. Подрод Муруй – в Осе, в Нукутском районе в Ее, Заходах. Подрод Хулменгэ известен среди нижнеудинских бурят, в Заларях и Корсунгае; Зиме, Унге; Хадахане Нукутского района; Кутулике, Куйте и Бахтае Аларского района; а также в Тунке и Закамне. Подрод Абаганат населяет села Харат и Бозой Эхирит-Булагатского района.

Родословная эхиритского племени начинается обычно с Эхирита. Легендарный Буха-ноен в качестве прародителя племени, в отличие от булагатов, упоминается очень редко. Эхирит имел одного сына – Зонхи (Эриганса Зонхи). У Зонхи было четверо сыновей (Зонхиин дүрбэн хүбүүн): һуудаг Сагаан, Шоно, Абзай, һэнгэлдэр. Иногда называют пятого – Малза. Последовательность их имен часто варьируют. От этих четырех сыновей Зонхи ведут происхождение эхиритские буряты.

Первоначальное ядро эхиритов занимало степные участки на территории современных Качугского, Баяндаевского и Эхирит-Булагатского районов – верхний участок долин реки Лена, ее притоков – Анги, Манзурки, Куленги, среднюю и верхнюю части долины реки Куда и бассейн реки Мурин от устьев до истоков. С ростом населения и в связи с межродовыми конфликтами, столкновениями с эвенками из-за охотничьих угодий, а также из-за периодических засух, в результате которых скот оставался без

корма, началось миграционное движение на свободные территории Ольхонского и Баргузинского районов и в дельту реки Селенга.

Потомки Ђуудаг Сагаана в сравнении с другими немногочисленны. Ђуудаг Сагаан имел троих сыновей: Тогто Мэргэна, Сахира и Сэхира. Братья погибли в бою с сэгэнутами. Жена Тогто красавица Голохан была дочерью булагатского Готола. После смерти мужа она вернулась на родину и родила близнецов Аргаһана и Абашу. По преданиям, от Аргаһана произошел Боханский улус, а от Абашы – улус Верхняя Буреть Боханского района, составившие род Тогто. От Олзона – сына Сахира – происходит род Олзон, от Баяндая, сына Сэхира, происходит род Баяндай.

Ользоновцы проживали в улусах Ользоны, Ахурга, Гаханы, Марилтуй, Загатуй Баяндаевского района; в Качугском районе по реке Куленга в улусах Магдан, Зулман, Хоторгой, Черногуй, Куленга; в Эхирит-Булагатском районе по реке Куда в улусах Баянгазуй, Гахан. В Бурятии потомки рода Олзон проживали в улусах Хандала, Корсаково, Кудара Кабанского района, Оронгое, Гильбире Иволгинского района, Додо-Ильке Заиграевского района. Ользоновцы называются в составе хоринских галзутов – олзон-галзут – с тех пор, как в середине XVIII века некий Мархий приехал в Ильку (Цыдендамбаев, 1972, с. 86, 211). Отдельные семьи олзоновцев встречаются в Хараганае Селенгинского района и Загустае Кижингинского района.

Род Олзон распадается на подроды Айдай, Улаахай, Ханхай, Ахуурга, Баянгаза, Балтай, Тураха и Хабтагай (Балдаев, 1960, с. 60). Наш информант А. Б. Апханова называет в составе этого рода кости Айдай Олзон, Гахан Башхан, Эрьюури Гахан, Баянгаза, Шодой и Ахуурга.

Буряты рода Баяндай были расселены в основном в Баяндаевском районе Иркутской области в улусах Горхон, Зангуты, Шехаргун, Мильзан, Езы, Хун Хал, Баяндай. В Ольхонском районе – в улусах Сарма, Хада, Ялга, Хужир, Харанцы. В Качугском районе – в улусах Анга, Степной Балтай, Алан Балтай. В Бурятии потомки рода Баяндай проживали в улусах Яригта, Улюн, Хилгана, Аргата Баргузинского района. В составе рода Баяндай называют подроды (кости, ответвления): Тохой, Хонхой, Балтай. Некоторые исследователи называют кость Хонхой в составе хэнгэлдыровского рода (Балдаев, 1959, с. 50), а к баяндаевцам добавляют подрод Боболой, о котором других сведений нигде не обнаружено. О подроде Балтай тоже нет единого мнения: часто его относят к роду Шоно (Балдаев, 1970, с. 239). Но в Качугском районе у этой родовой группы есть второе название – Хуудаг Сагаан. Ђуудаг Сагаан, как известно, предок баяндаевцев и олзоновцев; поэтому мы считаем, что Балтай – это ответвление рода Баяндай. По сведениям наших информантов, в состав рода Баяндай входят

Горхони Баяндай, Зангаша Баяндай, Задайн Баяндай, Минзани Баяндай, Шардай (Шэхэргэни Баяндай), Еозойн Баяндай.

Потомки рода Шоно более многочисленны. Первоначально они проживали в верховьях Лены. В шаманских призываниях они называли местом своего рождения долину Лены, местом своей охоты – долины Анги и Залога (Балдаев, 1970, с. 209).

В Качугском районе шоноевцы проживали в улусах Анга, Бурлай, Босогол, Хутерген, Сутай, Бахар, Дархад, Загулан, Чептыхой, Дуртэ, Түмэнтэй, Турша, Бухэнур, Гогон, Басай, Бойбот. В Ольхонском районе – в улусах Улан Харгана, Тонта, Хара Хужир, Ялга, Сарма, Хушэлга, Хурхут, Таловка, Сахюрта, Нарин Хутэй, Борсой, Анга, Халха Узур, Шулута, Хурай Нур, Загалмай, Хэсэ, Басай, Тирген, Черноруд. В Эхирит-Булагатском районе существовал улус Басай возле озера Хул-Нур (Хүлэн), в котором проживали шоноевцы.

Шоноевцы есть и в составе галзутов – шоно-галзууд. Их предок Баянда приехал в Забайкалье приблизительно в 1770–1780 гг. (Цыдендамбаев, 1972, с. 86, 210). В Забайкалье потомки рода Шоно есть в Кабанском районе: в улусах Корсаково, Хандала; в Курумканском районе – в улусах Лугшахан, Дырен, Алла, Курумкан; в Баргузинском районе – в улусах Бархан, Хада Модон, Яригта, Хилгана; в Иволгинском районе – в улусах Гильбира, Иволга, Оронгой; в Кижингинском районе – в Чесане; в Еравнинском районе – в улусе Ульдурга.

Называя сыновей Шоно, информанты почти никогда не сходятся в их количестве. Наиболее известными под родами в составе Шоно являются: Бурлай, Басай, Борсой, Түмэнтэй, Оторшо, Хамнай, Соогол, Эмхэ.

Род Абзай также довольно многочислен. Абзаевцы проживали в Баяндаевском районе в улусах Ток – 1, 2, Хогот, Кайзеран, Хотогор, Старый Хогот, Хандагай, Шетхалун, Мухарь, Унгура, Молой, Нагалык, Нухэнур, Тыхысыр, Гаханы, Бохолдой, Бахай; в Ольхонском районе – в улусах Улан Харгана, Заглай Нур, Ялга, Халзан, Долон Нарасан, Шида и др.

В Бурятии потомки рода Абзай расселились в Кабанском районе в улусах Хандала, Тэтэй, Шабар; в Баргузинском районе – в улусах Яригта, Корсаково, Бархан и др.; в Курумканском районе – в улусе Разгон; в Иволгинском районе – в улусе Оронгой; в Еравнинском районе – в улусе Эгэтуй; в Мухоршибирском районе – в улусе Сутай, в Кижингинском районе – в Загустае (Цыдендамбаев, 1952, с. 216; Балдаев, 1970, с. 259).

Род Абзай делится на две ветви – Ехэ Абзай и Бэсэгэн Абзай. Говоря о роде Абзай, имеют в виду первую ветвь. Наиболее известны следующие ответвления рода Абзай: Найта (Аран, Бадай, Молой, Хонтор, Сальхан, Төөрбэ, Ебожиин, Мошхон); к ветви Бэсэгэн Абзай относятся Нахай (Нагалаг, Нүхэ Нуур, Тэбхэсэр); Бохолдой, Баахай (Дайнша, Хүтэн,

Һабайраг, Хара Малгай, Буланье Баахай); Гахан (Улаараг, Эрхидэй, Бадага, Молой); Гүлэн (или Гүл) Түмэр; Онгой (Нюрган, Шарагшан, Сондой, Хүрээ Ялга). В бурятоведческой литературе указывается еще подрод Балтуга (Цыдендамбаев, 1972, 263). Эти кости – һахай, Боохолдой, Баахай, Гахан, Онгой – образовали свои самостоятельные роды и, отправляя религиозные обряды, называются этими родовыми именами, например:

Һахай солотой,	Рода һахай
Шата нэрэтэй...	По имени Шата...

Мало кто помнит свое абзаевское происхождение, но между собой они считаются родственными родами (халуун).

Наиболее многочисленными являются потомки младшего внука Эхирита – Хэнгэлдэра (Һэнгэлдэр). В отношении количества и конкретных имен сыновей Хэнгэлдэра данные очень сильно расходятся. Одни информанты называют троих: Хэрхэгтэ, Халюухай, Хазуухай, а у последнего указывают двух сыновей – Хадаалай и Хогооһон. По другим версиям у Хэнгэлдэра были сыновья: Хазуухай, Хадаалай, Үлдэй, Соодой, Уухан. У Хадалая было семь сыновей, из которых наиболее часто упоминаются Буура, Хамнагадай, Һойбо, Хура. Широко известны предания о Хамнагадае, рожденном от женщины хамниганского (тунгусского) рода, и давшем начало кырменским бурятам.

Основная масса потомков Хэнгэлдэра расселена в Качугском районе в улусах Хоторгой, Хальск, Манзурка, Сухай, Басай, Балтай, Харбатово, Будаган, Никилей. В Баяндаевском районе они проживают в улусах Тухум, Кырма, Холбод, Байша, Малан, Нагатай. В Ольхонском районе – в улусах Онгурен, Курма, Бугульдейка. В Эхирит-Булагатском районе – в улусах Хуты, Байтог, Адык, Буры, Бухтумур, Хабаровск.

Небольшая группа хэнгэлдэровцев проживает в улусах Мад(т)аган, Каха, Собачкин Осинского района Иркутской области. Широко расселены они и в Бурятии. В Баргузинском районе: в улусах Элысун, Улюн. В Курумканском – Разгон, Курумкан, Лугшахан, Гарга. В Кижингинском – Кижинга, Чесан. В Кабанском – Корсаково, Хандала, Дологон.

Устная традиция и письменные источники включают в состав рода Һэнгэлдэр следующие подроды: Хадаалай (Һойбо, Шиихэй, Бу(и)люу, Хура, Хангажан: Хорто, Дааган, Бүхэ-Түмэр), Хамнагадай (Хэрмэ: Шоодор, Нагатай, Малаан, Түхэм, Байша, Холбод), Буура (Абхай, Гал, Түмэр, Мянган, Ахадай, Алаг, Эхэрэй/Этирэй, Һэнгээ/Хингай), Соодой (Ооли), Уухан, Номол, Еэхүй, үльдэй, Хазуухай, Нэхэлэй. Отдельные ветви образовали самостоятельные роды и на тайлганах упоминают своих родовых предков. Буряты рода Буура, например, обращаются к родовой бабушке Бутан, похороненной на горе Байтог (Балдаев, 70, с. 284).

Потомки последнего внука Эхирита – Малзы – отунгусились и среди бурятских родов не упоминаются.

Западнобурятские роды впервые указаны в числе ясашных селенгинцев в 1720–1721 гг. (Румянцев, 1956, с. 20). Но, судя по имеющимся данным, они начали проникать на эту территорию гораздо раньше. Это подтверждается и данными из исторических сочинений селенгинских бурят. Причем в разных сочинениях даты указаны по-разному (БЛ, с. 177, 194). Такой разнобой в летописях можно объяснить тем, что процесс переселения имел длительный период и не был одновременным для разных групп добайкальских бурят. Большинство исследователей считает, что переселение крупных групп западных бурят в Забайкалье происходило в конце XVII – начале XVIII веков. Известны случаи миграции добайкальских бурят и в более поздние времена, но она уже не была столь массовой.

Ц. Б. Цыдендамбаев, рассматривая состав выходцев из Добайкалья, отмечает, что “булагатские и обулагатившиеся роды занимают преимущественно южную и юго-западную части территории расселения добайкальских выходцев, тогда как в северной и северо-восточной частях этой территории находятся... буряты, среди которых явно преобладают эхиритские и объэхиритившиеся этнические группы” (1972, с. 267). Объясняет он это, на наш взгляд, совершенно справедливо, тем, что эти роды пришли в Забайкалье разными путями и в разное время. Путь эхиритцев лежал через Байкал, а булагатов – по Предбайкалью.

§ 3. Эхиритский говор верхоленских бурят

Выше говорилось о том, что Б. В. Матхеев по признакам рефлексий исторического звукокомплекса *ki в јакающих говорах различает эхиритскую и булагатские группы (1970, с. 56). Эхиритскую группу составляют говор качугских (верхоленских) бурят и язык бурят Баяндаевского района. По происхождению указанные буряты являются потомками различных родов эхиритского племени.

Ниже приводим основные общие и отличительные признаки этих смежных качугского и баяндаевского языковых ареалов на уровне фонетической, морфологической и лексической систем.

Наиболее типичными исконно общими чертами на фонетическом уровне для языка качугских и баяндаевских бурят являются следующие⁵. Основным признаком, общим для смежных систем, является рефлекс *ki в

⁵ Здесь мы не приводим материалы, характерные для общезападных бурятских диалектов, такие как: наличие фонемы [θ], опереднение непередних гласных и т.д.

виде заднеязычного мягкого [x'], аналогично хоринскому. Например: *тамх'ин* 'табак', *тах'аяд* 'куры', *х'илар* 'косоглазый'. Однако бытуют лексемы, в которых сосуществуют эхирито-булагатские рефлексy в виде т'/ш', например: *газаах'и* – *газаати* 'наружный', *х'ируу* – *ш'ируу* 'иней'.

Влияние южно-булагатского говора проявляется в монофтонгизации исконного лабиализованного дифтонга [уй/үй] в долгий [ии], в соответствии с чем наблюдаются параллельные формы с [уй] и [ии]: кач. *һуи* 'ночь' – в языке баяндаевцев *һии*, но в родительном падеже *һиин/һуин* 'ночи'. *Хиһээ задарха* вм. кач. *хуһээ задарха* 'надорваться от тяжести' от кач. *хуһэн* 'пуп'. Аналогичное явление видно в формах: кач. *худуи* – баянд. *худы* 'сколько'.

Гласные [и], [ии] качугского говора изменяются в [ы] и [ы:]: *ызы* 'жена, женщина'. Качугское оканье соответствует баяндаевскому уканию: *огоо* – *угаа* 'очень, слишком'.

Интервокальный фарингальный [h] в ослабленном варианте сохраняется в обоих регионах (*саһан* 'снег') за редким исключением. Иными словами, здесь наблюдается тенденция к выпадению [h]. Однако в случае выпадения этого звука не происходит образования долгого гласного, а имеет место зияние (*са'ан*).

В регионах последовательно функционально разграничены фарингальный и заднеязычный [x] (*һара* 'луна', *хара* 'черный').

Наблюдается разнoбой в рефлексax исторического звукокомплекса *gi, который в качугском реализуется как [j], а в языке баяндаевцев сохраняется: кач. *эpjэ* – баянд. *эрг'и* 'берег'. Соответствие баяндаевского [л'] с [j] качугского: *борл'оохоз* – *борjоохоз* 'воробей'. Старописьменное *bulJitir* в качугском имеет форму *бул'жамар*, в баяндаевском *бул'жамуур* 'жаворонок'.

Упрощение группы звуков в баяндаевском языке происходит, видимо, под влиянием южно-булагатского говора: кач. (наада) бэе – баянд. (наада) б'ии 'эта сторона'. Упрощение произошло путем опущения [j] с одновременным опереждением гласного [э]. Примерно аналогичное явление произошло и в форме глагола со значением обращения 1-го лица множественного числа: кач. *ошоjии* – баянд. *оһии* 'пойдем'. У баяндаевцев бытует слово с заднеязычным взрывным [к]: *эkkэ* – возглас, выражающий досаду, недовольство, которое пока не замечено ни в качугском, ни в булагатском диалекте. Как известно, звук [к], как вариант и фонема, бытует в хамниганском, цонгольском, тункинском, аларском говорах (Рассадин, 1996, с. 100).

Морфологическое своеобразие смежных регионов сводится, в основном, к следующему.

В булагатском исходный падеж имеет аффиксы -ha/-hэ/-ho и -haa/-hээ/-hoo/-hθθ вместо качугского -han/-hээ/-hoo/-hθθ: *мор'инно* 'с коня', *мор'инноо* 'со своего коня'.

Форма обращения 1-го лица в качугском имеет частицу -м, а в баяндаевском -б: кач. *ошоһуум* – баянд. *ошоһууб* 'пойду'. Дифтонгический аффикс обращения 2-го лица множественного числа -уи соответствует монофтонгическому -ы: *јэрэхтуи* – *јэрэхты* 'приходите'. Кроме того, в баяндаевском бытует булагатская форма на -гтуун/-гтүүн : *ерэхтуун* 'приходите', *ошохтуун* 'идите'.

Состав лексической системы смежных говоров в основной массе адекватен. Но наблюдаются некоторые различия. Примеры: баянд. *наад-хаэ* 'игрушка' от *наадаха* 'играть' вм. кач. *һаэхаэ* – от *һаэхан* 'красивый', *годоһон* вм. *гутаһан* 'унты', *халдаэха*, вм. *сарпаан* 'платье' (ср. русск. сарафан), *ообордохо* вм. *намнаха* 'кидать'.

Материалы свидетельствуют о том, что язык баяндаевцев представляет собой эхиритский тип в исходной части. В нем присутствуют выражения из южно-булагатского говора. Нам представляется, что язык баяндаевцев может быть квалифицирован как самостоятельный говор в отличие от качугского. Иными словами, они представляют разные говоры эхиритского диалекта, который нами назван как эхиритский диалект верхоленских бурят.

Для окончательной научной оценки языка баяндаевцев необходимо продолжить сбор материала как в регионе распространения качугского говора, так и в языке баяндаевцев.

Среди баяндаевцев проживают и потомки рода Хурамша, которые не входят в состав ни булагатов, ни эхиритов. В их языке представлены как булагатские элементы, так и эхиритские. Вот некоторые примеры: качугско-булагатские формы – *хируу* 'иней', *архи* 'вино', *тамхин* 'табак'; булагатские формы: *һии* 'ночь', *һииндθθ* 'ночью', *бии* 'сторона', *хэдэгэнэ* 'оса', *холпоо*, *хаптагай* 'клоп', *маньјаһан* 'дикий лук'.

У хурамчинцев не функционирует булагатский формант –гтуун, но -гты: *һуухты* 'садитесь'. Булагатское слово *хүнгрээ* 'ласковое обращение к девочке' – неизвестно в этом значении, но у них есть мужское имя *Хүнгрээ*. В качугском эта словоформа имеет ругательный смысл по отношению к женщине. У них бытует качугское слово *хаабшаг* 'мешочек', у баяндаевцев – *хаабшаг* – ср. др.-тюрк. *qarşıq* 'мешочек'.

Как видно, если в языке баяндаевцев удерживаются основные фонетические черты качугского говора наряду с чертами южно-булагатского говора (при этом последние бытуют как варианты), то у хурамчинцев в одинаковой мере сосуществуют как качугские, так и булагатские черты. В связи с этим язык хурамчинцев можно назвать промежуточным говором

по отношению к южно-булагатскому говору и языку баяндаевцев. Естественно, надлежит более тщательный сбор местного материала с учетом или на базе семейно-бытовых связей людей данного региона в пределах родоплеменных объединений в прошлом.

Видимо, язык хурамчинцев представляет собой зону вибрации между южно-булагатским говором и языком баяндаевцев (баяндаевским говором).

§ 4. Язык ольхонских бурят

Ольхонскими бурятами называют часть бурятского этноса, компактно проживающую в Ольхонском районе Иркутской области. Территория района включает в себя остров Ольхон и прилегающее к нему западное побережье Байкала (Приольхонье). Южной конечной точкой материковой части является село Бугульдейка, северной – исчезнувшее село Покойники, где сейчас базируется метеостанция Солнечная (Жамбалова, 2000, с. 15).

Родоплеменной состав ольхонских бурят неоднороден. С давних времен здесь проживали представители разных племен. Основная масса населения состоит из потомков эхиритских родовых групп: Шоно, Һэнгэлдэр, Абзай, Буура, Баяндай, Олзон. К представителям булагатского племени относится Алагуй. Из других группировок представлены роды Галзууд, Сэгээнүүд, Хайтал, Дурлай.

Язык ольхонских бурят остается одним из малоизученных говоров бурятского языка. Существует лишь несколько статей С. Д. Бабуева, посвященных описанию особенностей лексики говора (1987), ареальному лексикону (1988) и фонетическим особенностям говора (1991).

Из вышеуказанных работ можно извлечь следующие сведения.

В области гласных язык ольхонских бурят в основном совпадает с системой вокализма западных говоров, включая и наличие самостоятельной краткой фонемы [θ]: ольх., юж.-бул. *θдθр*, кач. *θдθр*, *үдэр* ‘день’; ольх., юж.-бул. *тθмθр*, кач. *тθмθр*, *түмэр* ‘железо’; ольх., юж.-бул., кач. *хθл* ‘нога’.

Чередования гласных звуков, наблюдаемые в ольхонском, свойственны и другим западным говорам:

о/у: ольх. *хотиго*, кач. *хотьго*, лит. бур. *хутага* ‘нож’; *одигон*, кач. *одьгон*, сев.-бул. *одигон*, лит. *удаган* ‘шаманка’; *тоншоло*, кач. *тоншол*, лит. *тоншуул* ‘дятел’; **у/о:** ольх., кач., баян. *шургалжан*, лит. *шоргоолжон* ‘муравей’; *зунгааһан*, баянд. *зумгааһан*, лит. *зомгооһон* ‘щепка’; ольх., кач. *суулган*, лит. *соолго* ‘прорубь’; ольх., кач., баянд. *суу*, лит. *соо* ‘насквозь’; ольх., кач. баянд. *үүхэн*, лит. *θθхэн* ‘жир’.

В ряде случаев наблюдается чередование в первом слоге огубленного мягкорядного [γ] с широким неогубленным [э] и, наоборот:

э/γ: ольх., кач., баянд. *гүтһэн*, лит. *гэдэһэн* ‘живот, брюхо’; ольх. *гүдэгдээ*, лит. *гэдэргээ* ‘назад, вспять’; ольх., баянд. *хүдэн*, лит. *хэдэн* ‘сколько’.

Для вокализма ольхонского говора характерно произнесение во многих случаях огубленных гласных [у] и [γ] вместо [а], [э] литературного языка: ольх. *уһун*, лит. *уһан* ‘вода’; *үрүһун*, лит. *үрэхэн* ‘семена’, *хашуурһун*, лит. *хашарһан* ‘чешуя’. Отмечены случаи, когда во втором слоге встречается и [θ]: *һүхθ*, лит. *һүхэ* ‘топор’.

С. Д. Бабуев зафиксировал слово *таргуун* ‘жирный’ (1991, с. 107), ср. качугские эмфатические формы *таргуун* ‘очень жирный’, *ехүү* ‘очень большой’, *үндүүр* ‘очень высокий’.

В ольхонском говоре наблюдаются случаи полной редукции начальных гласных в отдельных словах, и, наоборот, их появление в некоторых случаях: ольх. *неэн*, кач. *неэн*, *үнеэн*, лит. *үнеэн* ‘корова’; ольх., кач., баянд. *неэхэ*, лит. *энеэхэ* ‘смеяться’; ольх., кач., баянд. *неэдэн*, лит. *энеэдэн* ‘смех’; ольх., кач. *үһэн*, *үһүн*, лит. *һүн* ‘молоко’; ольх. *үгүүн*, лит. *гүүн* ‘кобыла’.

Слабая напряженность гласных звуков ольхонского говора в непервых слогах при определенных условиях приводит к их качественной и особенно количественной редукции, наблюдаемой, как правило, во втором слоге. Аналогичное явление характерно и для качугского говора и для языка баяндаевских бурят. Например: ольх. *нэхтэ*, кач., баянд. *нэгтэ*, лит. *нэгэтэ* ‘однажды’; ольх., баянд. *нахса*, лит. *нагаса* ‘дядя по матери’; ольх., баянд. *шошхо*, лит. *сошохо* ‘пугаться’.

Консонантная система языка ольхонцев также не имеет больших отличий от других эхиритских говоров. Как и качугский говор, и язык баяндаевцев, язык ольхонцев относится к јакающей группе: ольх., кач., баянд. *дольён*, лит. *дольдин* (орф. долгин) ‘волна’; ольх. *тэньер*, баянд. *тэнгир*, лит. *тэнгэри* ‘небо’; ольх. *маньюһун*, баянд. *манниһан*, *маяһан*, лит. *мандир* (орф. мангир) ‘дикий лук’.

Древний монгольский комплекс *ki в ольхонском реализуется в виде палатализованного смычного [т'] (в отличие от качугского, где *ki>[х']): *тилгааһан*, кач. *хилгааһан* ‘волос из конского хвоста’; *тюруу*, кач., баянд. *хируу* ‘иней’; *түмһан*, кач., баянд. *хүмһан* ‘ноготь’; *тяаг*, кач., баянд. *хяаг* ‘пырей’; *тилар*, кач., баянд. *хилар* ‘косой’; *зотьхо*, баянд. *зох'хо*, *зошхо*, *зотьхо* ‘подходить’, *сатилгаан*, кач., баянд. *сахилгаан* ‘молния’; *хотир*, баянд. *хохир* ‘овечий навоз’; *үтибүүн*, кач., баянд. *үхибүүн* ‘ребенок, дитя’; *һатиха*, баянд. *һахьха*, *һаиха*, *һатьха* ‘стеречь, караулить’; *татааг*, кач. *тахяаг*, баянд. *тахяа*, *ташаа*, *татаахай*, сев.-бул. *ташаа* ‘курица’. Отме-

чаются единичные случаи перехода *ki в [ш]: *шидага* ‘корытце для мяса’, лит. *хидага*.

В языке ольхонских бурят наблюдаются чередования согласных звуков в разных позициях: ольх., кач. *шошхо*, сев.-бул. *сошхо*, лит. *сошохо* ‘пугаться’; ольх., кач., сев.-бул. *шүүшэ*, лит. *һүүшэ* ‘долото’; ольх., кач., баянд. *лаба*, лит. *лама* ‘лама’; ольх., кач. *зами*, лит. *сами* ‘пах’; ольх., юж.-бул. *хахал*, кач., баянд. *һахал* ‘борода’; *һүлжэргэнэ*, баянд. *хүлжэргэнэ* ‘черная смородина’.

Языку ольхонских бурят, как и качугскому, свойственно выпадение согласных звуков. Особенно это относится к интервокальному [h], который, имея слабую артикуляцию, находится на грани выпадения и часто выпадает: *нэрэ’үүн* ‘голубица’; *зага’уун*, *загуун* ‘рыба’; *хабуун* ‘ребро’. Но параллельно существуют формы *нэрһэн*, *хабһан*, но формы *загаһан* – не отмечено. Слово *байтаһан* ‘конь, лошадь, откармливаемая на забой’, вместо ожидаемой формы *байта’ан* существует в форме *байтаган* со значением ‘3-летний жеребец’.

Ольхонскому говору свойственно заметное смягчение губных согласных, сопровождаемое опереднением гласных: *б’а́эха* ‘быть’, *б’эрэ* ‘невестка’, *м’θрин*, *морён* ‘конь’.

Отмечаются случаи метатезы: *ухаа*, баянд. *хоаа*, лит. *хуаа* ‘каурий; песочного цвета’.

О своеобразии языка ольхонских бурят на морфологическом уровне нам пока говорить сложно, поскольку в работах, послуживших источниками материала, грамматический строй не рассматривается. Лишь единичные примеры позволяют нам предположить, что, например, в ольхонском говоре форма обращения 2-го лица множественного лица совпадает с булагатской формой на -гтуун/-гтүүн: *ошогтуун* ‘идите’, *һуугтуун* ‘сидитесь’, ср. кач. *ошогтуй*, *һуугтуй*. В языке ольхонцев существует модальная частица *браэ*, не отмеченная в качугском и баяндаевском, но бытующая, как будет видно из дальнейшего, в баргузинском и байкалокударинском говорах. Вопрос о месте и времени ее образования еще ожидает своего разрешения.

В лексике языка ольхонских бурят, естественно, преобладают общепурятские и общезападные слова, хотя бы и имеющие в ольхонском специфическую звуковую форму или отличающиеся оттенками значения. Этнический состав ольхонских бурят заставляет ожидать в их языке наличие как эхиритских, так и булагатских черт, что, в общем-то, и подтверждается имеющимся материалом: ольх. *сороохной*, кач. *сороонхи*, баянд. *шаазгай*, сев.-бул. *саазгай* ‘сорока’; ольх. *шоогой* ‘молодая коза’, кач. *шоогой* ‘домашняя коза’; ольх. *үрхэр* ‘бык’, кач. *үрхэр* ‘вол’; ольх. *дяадяа* ‘обращение к матери, тете’, бох. *дяадяа* ‘ласковое обращение к ребенку’; ольх.,

кач. *аахай* ‘санки’; ольх., кач. *үнгэн изиин шээһэн*, юж.-бул. *үнгэн шииг* ‘радуга’; ольх. *мураашиха* ‘корова 5–6 лет’, ср. юж.-бул. *мураа морин* ‘необъезженная 5-летняя лошадь’ (Матхеев, 1968, с. 35).

В рассматриваемом говоре бытует довольно значительный пласт локальной лексики, не имеющей параллелей в других говорах. Например: *артагалха* ‘разрезать крупную рыбу по спине вдоль позвоночника (при подготовке к жарению на вертеле)’, *дамнааш* ‘говорун’, *зүти* ‘котел невода’, *зүгхэ* ‘жарить на вертеле, рожне’, *инин* ‘самка нерпы’, *масуур* ‘бычок (рыба)’, *миисгэлхэ* ‘быть целой тушей (о запасе мяса на зиму)’, *түрэлъте* ‘двухгодовалая нерпа’, *халюур* ‘заездок для лова рыбы на реке’, *хэсэ* ‘отверстие в граблях, куда вставляются зубья’, *һэб* ‘копна’.

В составе локальной лексики, как видно, преобладают названия, связанные с рыболовством и добычей нерпы, что вполне понятно, поскольку эти виды промыслов были развиты именно у ольхонских бурят.

С. Д. Бабуев отмечает, что в языковом отношении язык ольхонских бурят не представляет собой единого массива: “Его можно разделить на две подгруппы: язык материковой части до улуса Курмы и островной части с включением зама-онгуренских бурят. Язык первой подгруппы близок эхирит-булагатскому говору, а язык второй тяготеет больше к баргузинскому и байкало-кударинскому говорам бурятского языка. Язык бурят, живущих по северному побережью Байкала, западнее улуса Курмы, и на острове Ольхон, в основном тот же, что и язык байкало-кударинских бурят. Здесь говорят, например: *зага’уун* вм. *загаһан* ‘рыба’, *яраахай* вм. *жараахай* ‘мальки рыб’, *хурган* вм. *хурьган* ‘ягненок’. Язык же бурят, живущих в более восточной части северного побережья Байкала и острова Ольхон, сильно напоминает говор баргузинских бурят. Здесь говорят *шо-огой* вм. *ямаан* ‘молодая коза’, *митии* ‘бесплатно’, *гаралсаһад* ‘братья и сестры’, *забаан* ‘несоленый’, *зааха* ‘жаловаться’, *хэлээ брай* ‘неужели сказал (т.е. для них характерна модальная частица брай)”” (1987, с. 32–33).

В целом обзор имеющегося материала показывает, что в языке ольхонских бурят преобладают эхиритские черты. Черты же, сближающие его с неэхиритскими говорами, возможно, присущи языку представителей неэхиритских родовых групп. Но для того чтобы определить его статус, его отношение к другим эхиритским говорам, необходимо глубокое исследование всех строевых элементов ольхонского говора, особенно его грамматического уровня.

§ 5. Отношение языка баргузинцев к верхоленскому (качугскому) говору и булагатскому диалекту

Э. Р. Раднаев свидетельствует, что: "...подавляющее большинство бурятского населения Баргузина составляют представители родов эхиритского племени. В частности, почти пятьдесят процентов бурятского населения Баргузина относится к одному только роду хенгелдер. Так же многочисленны чоноевцы. Третье место по количеству занимают галзуты. Булагаты и другие представлены в незначительном количестве" (Раднаев, 1965, с. 78). И в заключении автор приходит к выводу: "Баргузинские буряты – эхиритцы по происхождению, переселившиеся в местность Баргузин 300 лет тому назад. Поэтому понятно, что исследуемый говор родственен эхирит-булагатскому" (с. 106).

Из материалов работы Э. Р. Раднаева (1965) можно извлечь следующие сведения, обнаруживающие сходства языка баргузинских бурят с качугским говором.

Соответствия гласных

В обоих говорах сильно действие закона экономии речевых усилий, который приводит к ослаблению артикуляции и выпадению звуков в разных позициях. Но этот процесс менее последователен в качугском говоре, где он имеет место чаще в неполном стиле. Примеры.

Выпадение гласных звуков:

а) в начале слов: барг. *неэдэн* 'смех', кач. *неэдэһэн*, наряду с *инеэдэһэн*; *неэн* 'корова', кач. *неэн*, наряду с *үнеэн*; форма *неэн* также бытует в окинском говоре (Рассадин, 1996, с. 187);

б) в конце основы: барг., кач. *ошхо* 'пойдет', вм. *ошохо*; *хэлхэ* 'сказать, говорить'.

Выпадение согласных звуков:

а) в начале слов: *үбөөлжэн* 'удод', вм. *бүбөөлжэн*; *үльжэргэнэ* 'смогодина', но в кач. *хүльжэргэнэ*;

б) в середине слова происходит процесс монофтонгизации дифтонгов в краткий гласный: барг. *хашан* 'как', в кач. *хашан гэнэ гаа* 'что (он) делает' вм. лит. *хайшан гэхэ* 'как? каким образом?';

в) выпадение слогов: барг. *үхэб*, кач. *өхөб* 'отдам' вм. лит. *үгэхэб*; *үстэр* 'вчера', вм. лит. *үсэгэлдэр* – видимо, от *үгсэһэн үдэр* 'прошедший день', ср. *үгсэхэ* 'подниматься вверх'.

Стяжение составных лексем: барг. *барраэ* 'на юго-западе', кач. *баруураэ* – от *баруун* 'правый, западный' + *урай* 'перед, юг'.

Э. Р. Раднаев *барраэ* сравнивает с литературным *урда*, что не совсем при-

емлемо по отношению к сравниваемым говорам, в которых *урда* означает ‘предыдущий’, но не ‘юг’. Барг. *зүүрээ*, кач. *зуурай* ‘на юго-востоке’. Как видно, в баргузинском реализован закон сингармонизма, при котором твердорядный компонент *урай* имеет форму -рээ вм. кач. -раэ. *Таттаха*, кач. *таттаха* и *таһа татаха* ‘разорвать, оторвать’.

Максимальная степень реализации закона речевых усилий достигается в стяжении компонентов предложения. Примеры: барг. *Энэи шэнгнэ* ‘что он делает’, кач. *энэи хашан гэнэ*, лит. *энэи хайшан гэнэ*; *тиидээ шэнгнэ* ‘что он делает’, кач. *тиихэдээ хашан гэнэ* или *хаши гэжэйна (гаа)*, в полном стиле *хашан гэжэ байна (гаа)*, лит. *энэшни хайшан гэнэ* ‘что он делает’. В качугском слове *хайшан* произошла монофтонгизация дифтонга [ай] в краткий [а] (*хашан*), в баргузинском утрачен начальный слог ха-, слог -шан подвергся явлению сингармонизма, став мягкорядным в виде -шэн + гэнэ, в котором выпал гласный [э] после заднеязычного [г]. В словосочетании *идээ шэнгэнэ*, кач. *ишэдээ хашан гэнэ*, лит. *ишэдээ хайшан гэнэ* ‘что он делает’ в форме *идээ* баргузинского говора произошло превращение долгого начального [ии] в краткий звук [и], а также выпал слог -хэ-, -шан стал мягкорядным -шэн. В этих и других случаях на фоне действия закона экономии речевых усилий сыграла свою роль символика, при которой “начало (реже – конец) слова или словосочетания значит много. Середина же не значит ничего” (Кондрашов, 1966, с. 51).

В качугском говоре существуют эмфатические формы, выражаемые посредством сверхдолгих гласных и особенно долгих гласных [уу], [үү]. Примеры: *ехэ* ‘большой’ – *ехүү* ‘очень большой’, *тарган* ‘жирный’ – *таргуун* ‘очень жирный’, *улаан* ‘красный’ – *улаа:н* ‘очень красный’, *үндэр* ‘высокий’ – *үндүүр* ‘очень высокий’. В баргузинском Э. Р. Раднаевым зафиксировано слово *таргуун*, но слово *тарган* не приводится им (Раднаев, 1965, с. 82). Как видно, сверхдолгие гласные, а также и лабиализованные долгие сильные звуки обозначают что-то большее, значительное (подробнее об этом см.: Гальперин, 1974, с. 40–62).

Нам представляется, что звуковой состав слов типа *загуу’ан* ‘рыба’ – стп.-м. *Jiyasun* образован с опорой на приведенные типы с эмфатической смысловой структурой: общебурятское *загаһан* → барг. *загуу’ан*, эмфатическое [уу] вместо краткого гласного [а]. Если вместо выпавшего интервокального [h] в баргузинском наблюдается зияние, то в байкало-кударинском оно снято в связи с выпадением гласного элемента суффикса -һан > н. От суффикса -һан сохранился только конечный значительный [н]. Следовательно, в баргузинском и байкало-кударинском говорах значительно шире используется эмфатический способ инноваций в лексике.

Интервокальный фарингальный [h] в качугском говоре имеет очень слабую артикуляцию, он находится на грани выпадения и изредка выпада-

ет. Эта тенденция к ослаблению в баргузинском говоре доведена до логического конца – он выпал вообще: ср. барг. *ераан*, редко *ерээн*, кач., лит. *ерээн* ‘пришедший’.

Известно, что “ауслатный *d* ... при наращении аффиксов переходит в западных бурятских говорах в фарингальный [h], в цонгольском говоре – в свистящий [ç], в эхирит-булагатском и хоринском говорах – в шипящий [ш]” (Рассадин, 1982, с. 74).

Это явление характерно для качугского говора, как и для хоринского, а также наблюдается и у южных булагатов. Нам кажется, для последних оно является заимствованием из качугского, т. к. для такого булагатского типа говора, как боханский, оно не характерно. Там *d* в указанной позиции переходит не в [д], а в фарингальный [h]: *буряд* ‘бурят’ – *буряаһаэ* ‘бурята’ (Хомонов, 1965, с. 50), в качугском же – *буряаша*, *мангад* ‘русский’ – *мангаша* ‘русского’. Эта модификация [д] > [ш], характерная для качугского говора, удерживается и в баргузинском говоре. Примеры из баргузинского говора: *тугад* – *тугаши* ‘телят’, *үхэд* – *үхэши* ‘скота’ (Раднаев, 1965, с. 83).

Фонема [θ], сохраняющаяся в качугском говоре, в баргузинском под влиянием хоринского диалекта и литературного языка теряет былую значимость, совпадая часто с [γ]: качугский *тθмθр*, барг. *түмэр*, лит. *түмэр* ‘железо’.

При полном совпадении в реализации фонемы [ээ] в сравниваемых говорах (*хусээд* ‘догнав’, *нюдээр* ‘глазом’, *түргээр* ‘быстро’), из этого ряда выходит форма *үдэрээр*, которая не характерна ни для качугского говора, ни для литературного языка.

Смена шаманистического вероисповедания на буддийское обусловила частотность слов-терминов с начальным [ж] в баргузинском говоре: *жоод*, *жод* ‘молитва-заклинание’, *жаган* ‘кухня при дацане’ и т.д. Однако *ј*-оканье – явление довольно частое. Так, русизм с начальным [ж] в качугском и баргузинском говорах имеет *јо*-начальную форму: русск. *жолоб* – *йоолбо*.

Э. Р. Раднаев скрупулезно описывает типы звуковых соответствий между баргузинским и литературным языком (1965, с. 84–86). Этих типов соответствий мы насчитали 18 единиц. Примечательно то, что подавляющая часть форм баргузинского говора совпадает с таковым качугского. Приведем некоторые из них. Случаи влияния гласных одного слова на гласные другого: *ба барь*, кач. *ба бари* – вм. лит. *бу бари* ‘не держи’, *бэ хэл*, кач. *бэ хэлэ* – лит. *бу хэлэ* ‘не говори’. Перестановки слогов: *хадалгаха* ‘спрятать’, кач. *хадалгаха* – лит. *хадагалха*, *шабаагар* ‘окно’, кач. *Шабаагар* – лит. *шагаабар*, *тээрэм* ‘мельница’, кач. *тээрэм* – лит. *тээрмэ*.

Соответствия гласных: барг. *зишэ* ‘вытягивать ноги’, кач. *зишэ* – лит. *жыхэ*; *изиш* ‘мать’, кач. *изиш* ‘женщина, жена’ – лит. *эжы*; *идеэн* ‘пища’, кач. *идеэн* – лит. *эдеэн*; *зубалга* ‘тощее мясо’, кач. *зубалга* – лит. *зоболго*; *хумигар* ‘узкий, плоский’, кач. *хумигар* ‘прижатый (об ушах)’; *шургалжан* ‘муравей’ – лит. *шорголжон*; *одигон* ‘шаманка’, кач. *одигон* – лит. *удаган*; *хотиго* ‘нож’, кач. *хотиго* – лит. *хутага*; *нижаганаха* ‘шуметь, гудеть, греметь’ – кач. *нижаганаха*, лит. *нажаганаха* ‘трещать’; *нираэ* ‘новорожденный’ – кач. *нираэ* – лит. *нарай*; *эбшэн* ‘болезнь’, кач. *эбшэн* – лит. *убшэн*; *хүдэн* ‘сколько’, кач. *хүдэн* – лит. *хэдэн*.

Из приведенного наиболее интересно соответствие фонем θ/γ . Так, в эхирит-булагатском (т.е. в южно-булагатском) фонема $[\theta]$ более частотна: юж.-бул. *х θ д θ н*, кач. *хүдэн* ‘кисет’, барг. *хүдүү’эн*; *х θ л θ н* ‘пот; зароботок’, кач. *хүлэн*, барг. *хүлүү’эн*; *н θ н* ‘душа’, кач. *нүнэн*, барг. *нүнүү’эн*. Чередование θ/γ наблюдается в боханском говоре. Более частотное употребление $[\theta]$ наблюдается у обусинских бурят, что объясняется влиянием аларского говора (Хомонов, 1965, с. 41). Это влияние, видимо, сказывается и в языке южных булагатцев. О появлении долгих лабиализованных вместо $[a]$, $[э]$ говорилось выше (тарган – таргуун).

Соответствия согласных

Описываемые говоры совпадают в употреблении согласных $[з, м, х, г, й (j), т, л', р']$ вместо других согласных в литературном языке: барг., кач. *изиш* ‘женщина’, жена – лит. *эжы* ‘мать’; барг., кач. *бахана* ‘столб’ – лит. *багана*; *гүрхэ* ‘сбивать масло’ – лит. *бүрэхэ*; *жаргал* ‘счастье’ – лит. *жаргал*; барг. *гэтуу’эн*, кач. *гүтэн* ‘живот, брюхо’; барг. *бульшан* ‘мышцы’, кач. *бульшан* ‘икры ног’ – лит. *булшан*; *бар’уур* ‘ручка, рукоятка’ – лит. *барюул*.

Относительно фарингального $[h]$ в интервокальной позиции заметим следующее. В качугском говоре он реализуется в очень слабом варианте, тогда как в северно-булагатском (боханском) выпадает: бох. *саан* вм. *саһан* ‘снег’, *загаан* вм. *загаһан* ‘рыба’, *нараан* вм. *нараһан* ‘сосна’, *ялаан* вм. *ялаһан* ‘муха’ и т.д. Подобные явления наблюдаются в улусах Тараса, Буреть, Шаралдай, Бохан (Хомонов, 1965, с. 44). В баргузинском говоре былое функционирование $[h]$ оставило след в виде зияния: *загуу’ан* ‘рыба’, в байкало-кударинском – *загуун* (Раднаев, 1965, с. 82). Из этого следует, видимо, что баргузинская форма лексем с зиянием вместо $[h]$ есть результат продолжения ослабления его артикуляции вплоть до нуля, тогда как байкало-кударинская форма есть результат влияния боханского говора.

В баргузинском говоре исторический звукокомплекс $*gi$ сохраняется без изменения, сближаясь в этом отношении с южнобурятским говором ононских хамниган, расходясь с качугским, в котором этот комплекс реализуется как среднеязычный $[j]$: барг., хамн. *гилагар* ‘блестящий, глянцевый’.

вый' (Дамдинов, 1968, с. 86), кач. *жалагар*. Но остается вопрос, на всей ли территории Баргузина такая форма бытует. Если она спорадична, то "гиканье" должно сводиться к вопросу о влиянии женского языка.

Лексические соответствия

Лексика баргузинского говора состоит в значительной части из элементов качугского говора наряду с булагатскими и хоринскими. В ней удерживаются такие эхиритские слова, как *шоогой* 'коза домашняя', *дуу бйр'ха* 'песни петь' (последнее предположительно), *малгаар* 'завтра', *хашар* 'наледь', *хэһэнэг* 'гардероб для вещей приданого девушки', *зантуу* 'жестяное ведро', кач. *хоихо* 'совок', барг. *хоихо* 'лопата для мусора', *тэлюур* 'пихло', *хаяа* 'стена', *гуйлга* 'подарок', *сульхи* 'чулки', *нюдуур* 'ступка', *зуруул*, кач. *зураахай* 'спички', кач. *хулнаа* > *хольнии* 'клоп', *поршоонхо* 'поросенок', *нажар* 'лето', *дамжуур* 'лестница', *гахуули* 'удочка', *нохойн хоншоор* 'шиповник', кач. *яг нохой*, барг. *яа нохой* 'собачка-мопс', *угаабар* кач. 'манжета из стеганой материи на запястье', барг. *угаабар* 'браслет; манжеты на сорочках', кач. *гоогоһон* 'дикий лук', барг. *гогуу'ан*. В баргузинском "слово" обозначается двумя словами *үгэ* (по-хорински) и *хуур* (западнобурятское). В качугском некогда было слово *үгэ*, которое ныне функционирует в словосочетании *үгээ хэлэхэ* 'сказать последнее (свое) слово'. Качугское *хойморлохо* 'варить пищу из курунги со сливками' в баргузинском *хоэмолхо* 'варить пищу из арсы с молоком', но нет однокорневого слова *хоймог* ни в том, ни в другом говоре.

К булагатским по происхождению относятся слова типа *буубээ* 'дитя', *ообордохо* 'бросать', *бажнаг* 'топор', *иньгэ* 'берег, крутой обрыв', *боготхолхо* 'путать ноги коровы', *элдэн* 'загородка для зарода'.

Морфологические соответствия

В морфологическом отношении баргузинский говор совпадает с говорами западных бурят (Раднаев, 1965, с. 101). В нем также как и в западных говорах бытуют формы родительного атрибутивного (*худаги* 'ключа, родника'), кач. *худаји*, а также родительный самостоятельный (как видно из примеров на с.102 работы Э. Р. Раднаева). Исходный падеж имеет форму аналогичную качугской с фонетическим видоизменением в связи с выпадением интервокального [h], ср. кач. *хадаһан*, барг. *хадаан* 'с горы'.

Система глагольных лексем баргузинского говора не имеет ярко выраженных отличий от такового качугского говора. Различия касаются тех или иных фонетических модификаций, например: барг. *ябуум* 'пойду-ка', кач. *ябаһуум*, барг. *оһии*, кач. *ошоји* 'пойдем'. В ней сохраняется качугская форма обращения ко 2-му лицу, например: *Бидеэрээ ерэрэйгтүй*

‘приходите вы сами’ (Раднаев, 1965, с. 103). Однако повелительно-пригласительная форма 1-го лица аналогична форме южно-булагатского говора: ср. барг., юж.-бул. *ошии*, вл. кач. *ошојиш* ‘давай пойдём’. Единичны иные вкрапления в эхиритский массив послелогов, например: *хоорондоо* ‘между’ вл. кач. развернутого *хоеро дунда*, *сугтаа* наряду с *хамта* ‘вместе’. Наряду с эхиритской вопросительной частицей *-уу/-үү* употребляется *-г*, например: *ерээг* ‘пришел ли?’ Это, видимо, связано с распадением исконной вопросительной частицы *гу* [гүү] на *-үү* и *-г*. Обратное этому явлению представляет сложение новой частицы в баргузинском: *тѣхиим* < *тиихэ* ‘делать так, поступать так’ + *ха* и *юм*, например: *хуунтѣхим* ‘наверное, человек’ (Раднаев, 1965, с. 105). Мы бы перевели это как ‘человек же’. Аналогично южно-булагатскому *нохойг хиим* ‘собака же’. Частица *-гдаа* образована из *гү* и *даа*: *ахам ерээгдаа* ‘мой брат, кажется, пришел’ соответствует качугскому *ха + даа* (*ерэрээ хадаа*). Частица *-гэи* – фонетический вариант частицы *гаа*: *ерээ гэи* ‘пришел ведь’ в кач. соответствует форме *ерээ гаа*. Частица *бэи* представляет собой видоизменение качугского *биш*, например: барг. *ерээ бэи* ‘пришел же’, кач. *ерээ биш* ‘пришел, кажется’. Частица *-аан* является фонетическим вариантом качугской *-хан/-һэн*, например: барг. *ераан*, кач. *ерээ һэн* ‘приходил’, *ошоо һон* ‘уходил’. Модальная частица (предположения) *браэ* ≈ *бараэ* в баргузинском говоре и в языке байкало-кударинских бурят представляет собой новообразование, например: *ерээ бараэ* ‘не пришел ли’ (Раднаев, 1965, с. 105), *ар’илаа браэ* ‘кажется, ушел’ (Цыдендамбаев, 1968, с. 172). Нам представляется, что эта частица образована от суффикса глагола *-ба + арай* ‘пожалуй’. Пусть это будет одной из этимологий частицы *бараэ*.

Итак, баргузинский говор в своей основе является частью эхиритского диалекта качугского варианта. В нем обнаруживаются значительные фонетические модификации, заимствования из хоринского диалекта (см. Раднаев, 1965, с. 87–88). Но эти модификации происходят на базе качугских форм. Морфологическая система говора продолжает удерживать качугские особенности.

§ 6. О говоре кударинских бурят в сравнении с другими западными диалектами

Система данного говора описана К. М. Черемисовым (1947), Д. А. Алексеевым (1949). Ц. Б. Цыдендамбаевым (1964) опубликована работа обобщающего характера на базе публикаций указанных авторов, а также материалов, собранных членами Байкало-Кударинской экспедиции, организованной отделом языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института в 1960 г.

Система кударинского говора имеет сложную природу на всех своих уровнях. Неслучайно Ц. Б. Цыдендамбаев в указанной работе пишет: “Ясно, что говор с такой своеобразной судьбой не может не интересовать монголоведов” (1964, с. 68).

Обратим внимание на некоторые характерные особенности интересующего нас говора. Прежде всего, в нем активно бытуют особенности, характерные для всего западнобурятского диалекта. Так, в области гласных к общезападнобурятским особенностям относится наличие в нем узкого огубленного краткого гласного переднего ряда [θ]: *θдθр* (ср. хор. *үдэр*) ‘день’, *дθиθ* (ср. хор. *дүшэ*) ‘наковальня’, *иθлθн* (ср. хор. *шүлэн*) ‘суп’, *дθрθθ* (хор. *дүрθθ*) ‘стремя’ (Цыдендамбаев, 1964, с. 58).

В области согласных язык кударинских бурят сходится с общезападным и в употреблении твердых согласных вместо палатализованных в сравнении с хоринским: *хэлэн* (ср. хор. *хэл’эн*) ‘язык’, *эльүүн* (ср. зап.-бур. *элһэн* и хор. *эл’һэн*) ‘песок’ (там же).

Экспедицией выявлено наличие в языке кударинцев явления опереднения заднеязычных гласных [а], [о] перед мягкими согласными: *я́р’бан* (ср. лит. бур. *арибан*) ‘внутренний жир’, *ба́р’ха* (лит. *бариха*) ‘поймать’, *м’о́р’он* (лит. *морин*) ‘лошадь’ (там же).

Общезападнобурятскими являются и факты монофтонгизации заднеязычных дифтонгов в переднеязычные монофтонги (краткие или долгие): *б’а́нам* (вм. обычного *баэнам*) ‘стою’, *б’а́йха* или *б’а́эха* (вм. *баэха*) ‘стоять’, *м’о́һон* (вм. *моэһон*) ‘черемуха’ (там же). Как видно, монофтонгизацией охвачены и огубленные комплексы: *у́һ’эн* вм. *уйһэн* ‘береста’ (там же).

В области реализации гласных в потоке речи кударинский говор резко отличается от других говоров бурятского языка тем, что в нем имеет место огубление и разогубление их: *боаабаэ* (вм. обычного *баабаэ*) ‘отец’, *зоан* (вм. *зон*) ‘люди, народ’ (там же). В первом примере мы видим явление аккомодации, приспособление губно-губному согласному [б] неогубленного [а] на начальной стадии артикуляции, а во втором имеет место ослабление артикуляции конечной стадии, что привело к утрате губной черты звуком [о].

Своеобразен и консонантизм кударинского говора. В нем сохраняются черты западнобурятского диалекта, а также особенности отдельных говоров бурятского языка. Немало и инноваций. Так, в нем последовательно функционирует среднеязычный щелевой сонант [j] вместо щелевого смягченного звонкого [ж] в других говорах: *јабар* (вм. *жабар*) ‘хиус, ветер-верховик’, *ја́раахаэ* (вм. *жараахаэ*) ‘малявка’, *јоло* (вм. *жолоо*) ‘повод (часть сбруи)’, *јэл* (вм. *жэл*) ‘год’ и т. д. (Цыдендамбаев, 1964, с. 57) – ср. бох.: *йыл* ‘год’, *йолоо* ‘повод’, кач. *йараахаэ* ‘малявка’, *йэ́рбэ́гэр* ‘пря-

мой, стройный’, *йоолбо* ‘желоб’, *йуһэн* ‘масть, вид’, юж.-бул. *јэрхэ* // *жэрхи* ‘бурундук’, *јэбэн* // *жэбэ* ‘ржавчина’ (Матхеев, 1968, с. 6; Митрошкина, 1968, с. 52; Хомонов, 1965, с. 43).

Рефлекс исторического звукокомплекса *ki в байкало-кударинском говоре имеет сибилантный вид [с’]//[т’] как в северно-булагатском (боханском): *тарс’и* или *тарс’а* (вм. общепурятского *тарх’и*) ‘голова’, *арс’и* (вм. *арх’и*) ‘водка’, *үтибүүд* (вм. *үхибүүд*) ‘дети’, *барт’арха* (вм. *бархирха*) ‘кричать, реветь’ (Цыдендамбаев, 1964, с. 58). Ср. боханские формы:

Улус Тараса	Улус Обуса	Перевод
арси	арти	водка
тамси	тамтин	табак
сируу	тируу	иней
гасирха	гатирха	выйти

Рефлекс с’ – идинский вариант, а т’ – обусинский (Матхеев, 1970, с. 58). Как видно, рефлекс исторического звукокомплекса *ki в виде ш’, характерный для южно-булагатского, х’ – качугского говоров, не обнаружены в кударо-бурятском. Здесь напрашиваются вопросы: либо среди кударинцев не представлены южно-булагатские роды, либо эта черта не нашла отражения в записях экспедиции, либо ш’-образный рефлекс предан забвению. Последнее ожидает объяснения. Дело в том, что, как видно, модификация *ki четко, поулусно противопоставлена и должна рассматриваться как ведущий принцип фонетической классификации западнобурятских говоров.

В кударо-бурятском говоре весьма своеобразна модификация [h] вплоть до его выпадения с последующим образованием долгих гласных в результате стяжения простых, оказавшихся рядом, гласных.

В этих случаях, судя по примерам Ц. Б. Цыдендамбаева (1964, с. 63–64), прослеживается некоторая закономерность. Заметим, что фарингальный [h] выпадает в трех- и более слоговых словах, под которые подпадают и суффиксальные образования именных и причастных лексем: *анзъуун* – ср. стп.-м. *anJisun*, бур. *анзаһан* ‘соха, плуг’⁶, *заъуун* – стп.-м. *Jiyasun*, бур. *загаһан* ‘рыба’, *холтъуун* – стп.-м. *qoltusun*, бур. кач. *хултанһан*, лит. бур. *холтоһон* ‘кора’, *эльүүн* – стп.-м. *elesün*, кач. *элэһэн*, лит. бур. *элһэн* ‘песок’; *бухал шэр’аан хубүүн* ‘мальчик, возивший копны’ – из *шэрэһэн*, *үх’аан хүүн* ‘умерший человек’ – из *үхэһэн хүүн*.

⁶ О суффиксе – сун ~ сүн см.: Санжеев Г. Д., 1964, с. 56.

Примеры выпадения [h] в середине слова: *бишлэг* (ср. *бэһэлиг*) ‘колечко’, *ун’шин сагаан* – видимо, из *үһэниин* ‘волосы (его)’, *ја’ниин сагаан* – видимо, из *јаһаниин* ‘кости (его)’.

Показательно в связи с приведенными примерами устойчивое сохранение интервокального [h] в двусловных словах, например: *үһ’эн* (ср. *үһэн*) ‘береста’, *м’өһ’он* (вм. *моэһэн*) ‘черемуха’. В этих словах [h] находится после переднеязычных гласных, образованных от дифтонгов. Аккомодирующее влияние гласных привело к тому, что [h] звучит необычно для слуха носителя бурятского языка. Этот оттенок В. М. Надеяев обозначил термином верхнефарингальный [h] (Цыдендамбаев, с. 65).

В форманте исходного падежа в словоформе *јэлһээ* (*үлүү*) ‘больше (года)’ [h] не выпадает, поскольку он не находится в интервокальном положении. Однако в двусложных словах выпадение [h] возможно при условии угрозы утраты семантики в частотных формах, например: *на’ан* (вм. *наһан*) ‘возраст’ (там же). Но в случаях выпадения [h] в слове *јаһан* оно бы потеряло семантическое значение ‘кость; поколение’ и совпало бы по форме с деепричастием.

В морфологической системе говора кударинских бурят сосуществуют как общепурятские, так и эхиритские (качугские) и булагатские формы. Так, в родительном падеже употребляется стяженная, атрибутивная⁷ форма -а, -и: *загъуун’а аман* (ср. хор. и родительный самостоятельный качугского говора *загаһанаэ аман*) ‘рыбий рот’, *булаја оһон* (ср. *булагаэ үһан*) ‘родниковая вода’, *тах’ааји Өндөгөн* (ср. *тах’аагаэ үндэгэн*) ‘куриное яйцо’. В этом случае в качугском происходит смена конечного [г] (*тах’ааг*) на [ј] (*тах’ааји үндэгэн*). Ср. также: *булаг* – *булагаэ*.

Родительный атрибутивный характерен для старописьменного монгольского языка (Санжеев, 1964, с. 68). Родительный самостоятельный в западнобурятских говорах менее частотен, чем родительный атрибутивный, который в хоринском является единственной формой. И она не выявлена в кударинском.

Орудный падеж на дифтонги имеет формант -аар/-ээр/-оор, аналогичный бурятским говорам: кудар. *гахаэ* ‘свинья’ – *гахајаар* ‘свиньей’, *нохоэ* ‘собака’ – *нохојаор* ‘собакой’, *борноэ* ‘борона’ – *борнојаор* ‘бороной’ – вм. хор. *гахаэгаар*, *нохоэгоор*, *борноэгоор*.

Как видно, на стыке морфем наблюдается соответствие западнобурятского *ј* хоринскому *г*, что объяснимо реализацией фонетических соответствий: ср. кач. *эсэн’јэ* – хор. *эсэнги* ‘усталый’ (Митрошкина, 1968, с. 289).

⁷ О терминах родительный атрибутивный, родительный самостоятельный см.: Митрошкина А. Г., 1968, с. 57.

Исходный падеж имеет два основных варианта: 1) *h* + краткая гласная: -*ha*/-*hэ*/-*hθ*/-*ho* – аналогично южнобурятскому: *Зулхэһэ* ‘с Лены’ (хор. *Зулхэһθθ*). Вариант форманта с кратким гласным совпадает с таковым южно-булагатского говора (см.: Матхеев, 1968, с. 15); 2) формант -ан исходного падежа напоминает упомянутую -*һан* качугского говора: *Шэтэ’ан* ‘из Читы’ - в кач. *Шэтэһэн*, *гэртэ’ан* ‘из дома’ – кач. *гэртэһэн*. Разница между этими формами заключается в том, что сингармоничному -*һан*/-*һэн*/-*һон*/-*һθн* качугского говора соответствует несингармоничная -ан с выпавшим интервокальным [h]: А -*ha*/-*ho*/-*hэ*/-*hθ* – результат выпадения исконного [н]. Важно бы узнать, где реализуются эти формы: одновременно в речи одного и того же лица или в разных генетических социумах. В первом случае мы бы имели зону вибрации, во втором – параллельное бытование их в разных социумах.

Формант -*һууд*/-*һүүд*, реализующий показатель множественного числа после основ на долгий гласный аналогичен таковому булагатского диалекта (Цыдендамбаев, 1964, с. 60; Хомонов, с. 51; Матхеев, 1968, с. 10).

Заслуживает внимания нулевая реализация, или нереализация повелительной, “вежливой” формы 2-го лица множественного числа с суффиксом -*гтун*/-*гтүн*, характерная для старописьменного монгольского языка (Санжеев, 1964, с. 81). Суффикс -*гтуун*/-*гтүүн*, как упомянуто выше, функционирует в булагатском диалекте (Хомонов, 1965, с. 58; Матхеев, 1968, с. 21). Он встречается и у баяндаевцев, что ожидает выяснения – либо он является для баяндаевцев исконным, либо заимствованным у булагатов. Дело в том, что качугским эхиритам не известен такой формант. Следовательно, утверждение о том, что данный формант бытует у эхирит-булагатов (как утверждает Ц. Б. Цыдендамбаев, 1964, с. 63, сноска 21) не совсем точно. Суффикс 2-го лица множественного числа -*гтии* у новых баргутов, бытующий у булагатов в виде -*гты* (Хомонов, 1965, с. 58), есть ничто иное, как монофтонгизированная форма -*гтуи* качугского говора (ср. бул. *харгии*, лит. *харгы*, кач. *харгуй* ‘дорога’).

Очень интересны наблюдения автора в области влияния на язык кударинцев баргузинского, хоринского говоров, а также влияния русского языка на речь молодежи.

Система данного говора представляет собой своеобразное образование. Она характеризуется совмещением в себе отдельных особенностей эхиритских и булагатских говоров, а также языка баргутов. Естественно, в ней представлены черты, обусловленные эволюцией данностей соответствующих языковых ресурсов. Все это обусловлено экстралингвистическими факторами, в частности, составом родовых групп, а также влиянием соседнего хоринского говора, отчасти селенгинского и литературного бурятского и русского языков. Так, по свидетельству Ц. Б. Цыдендамбаева,

подавляющее большинство кударо-бурят относится к эхиритским родам (Шоно, Абзай, Олзон, Һэнгэлдэр, Бајандаэ, Балтаэ и присоединившихся к ним – Сэгээнэд, Галзууд или Нохоэруг; Монгол, Торгууд; лишь небольшая их часть принадлежит к булагатским родам (Алагуй, Ашабагад, Дурлаэ или Бајан Дурлаэ) и примкнувшие к ним Хурамша, Хаэтал). Автор приводит сведения о количестве дворов по родам, записанные у местного летописца Б. П. Махатова, по которым среди кударинцев эхиритские и присоединившиеся роды составляют 85 %, тогда как булагатские и присоединившиеся к ним роды – менее 15 % к общему числу дворов (Цыдендамбаев, 1964, с. 57, сноска 2). В работе приведены две родословные таблицы без указания, к какому племени относятся упомянутые поколения. Нам кажется, что они относятся к булагатскому, судя по формам их личных имен. К сожалению, такая подробная экстралингвистическая, социальная информация “не работает” в собирательской деятельности экспедиции: неизвестно, в каких группах собраны те или иные лингвистические сведения.

Имеющиеся предварительные сведения говорят о том, что при всей сложности эволюции развития в основе языка кударинских бурят лежат материнские говоры верхоленских, северно-булагатских и южно-булагатских бурят Иркутской области.

Краткие выводы

Краткий обзор систем ольхонского, баргузинского, кударинского говоров в сравнении с таковыми качугского и булагатских материнских говоров производит впечатление следующего характера. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что лингвистическая память (система) потомков эхиритского и булагатского племен, переселившихся в XVII в. в Ольхонский, Баргузинский, Кударинский районы обусловила сохранение в их языке основные фонетические, морфологические черты материнских говоров. Фонетическая система на фонологическом уровне не претерпела изменений. Сохраняется в них центральнорядная слабоогубленная фонема [θ], продолжает бытовать в них среднеязычный сонант [j] в позиции начала слова вместо щелевого смягченного согласного [ж] в других говорах, сохраняется соответствие твердых согласных мягким хоринского говора. Рефлексы исторического звукокомплекса *ki бытуют в разных вариантах. В баргузинском в виде [x'] (*хитаруулга* ‘калач’) аналогично качугскому и хоринскому, в ольхонском в виде [т'] (*барт'ярха* ‘плакать’) – обусинский вариант северно-булагатского говора, в кударинском – [с'] и [т'] (*үтибүүд* ‘дети’, *арси* ‘водка’) качугского и булагатских – идинско-обусинский вариант северно-булагатского диалекта.

Выпадение или утрата самостоятельной фарингальной фонемы [h] – это результат внутрисистемного развития говоров. Это фонема удерживается во всех позициях в ослабленном варианте в качугском говоре, иногда [h] чередуется с [x'] в боханском (северно-булагатском) говоре; в кударинском наблюдается определенная закономерность его выпадения. Смешение звуков [h] и [x] характерно вообще для монгольских языков. Даже в одном и том же языке, например, в дагурском, наблюдаются оба процесса перехода [h] в [x], [x] в [h] (подробнее см. Рассадин, 1982, с. 78–80). Мена [h] на [x] представляет переход более глубокой артикуляции в более переднюю, что является общеязыковым законом. И. А. Бодуэн де Куртене утверждает, что существует глоттогеническая тенденция к передвижению вперед более глубоких артикуляций (Общее языкознание, формы существования, функции, истории языка, 1970, с. 302).

Образование нового верхнефарингального оттенка [h] и лабиализация гласных после губных согласных в кударинском говоре, видимо, могут быть объяснены большой “спаянностью” звуков при интенсивном потоке речи, при котором уклад речевого аппарата для предшествующего звука не успевает перестроиться для произношения другого звука. А разлабиализация – это результат ослабления артикуляционной силы. Иными словами, оба типа процесса обусловлены действием закона экономии речевых усилий.

Инновация в виде образования долгих гласных в баргузинском и кударинском говорах в результате выпадения фарингального [h], вероятно, произошла при смене поколений, так как поколение, произносившее названия рыбы в виде *загаһан*, *зага'ан* не может вдруг перейти на форму *загъуун* или *загууан*, поскольку нет звуковых условий для такого перехода. Форма *зага'ан* видоизменяется в *загуун* только при смене поколений. При этом произошло заполнение зияния долгим гласным [уу] взамен [а'а]. Е. Д. Поливанов указывал, что “Представление трудного (по своим артикуляциям) звука просто не усваивается данным новым поколением, и вместо него регулярно подставляется другое – более легкое (а потому и оказавшееся усвоенным)” (Поливанов, 1968, с. 84).

Опереднение гласных перед последующим мягким согласным имеет силу, влияющую и на самостоятельное препозитивное слово. Так, общепурятское сочетание слов *дуу бариха* “песни петь” в качугском говоре изменяется в *дуй б'әр'ха*. В такой форме это словосочетание бытует во всех дочерних говорах.

На морфологическом уровне заметно следующее. Продолжают бытовать две формы в родительном падеже – родительный атрибутивный (частотный) и родительный самостоятельный. Полная форма аффикса исходного падежа качугского говора *-һан* в результате фонетических про-

цессов претерпела расщепление на *-ha* и *-н(-ан)* в кударинском. Булагатский формант множественного числа *-huud* существует в кударинском говоре наряду с другими. Надо полагать, что эта форма оказалась конкурентоспособной, если все кударинцы, эхириты и булагаты, употребляют ее в одинаковой степени.

Мы обратили внимание на наиболее значительные стороны синхронного состояния дочерних говоров потомков эхиритского и булагатского племен. Но у нас остается под сомнением то, что в дочерних говорах, на которых говорят потомки разных родов, не наблюдаются различия на фонетическом и морфологическом уровнях, тогда как в боханском, качугском говорах таковые явно наблюдаются. Трудно представить, что потомки разных родов дружно стали говорить совершенно одинаково. В цитированных трудах по этим говорам не указано, среди каких родовых групп собран материал. Известно, что семейно-брачные отношения при экзогамии также сказываются в изменении системы говоров, о чем говорилось выше. Науке известно, что “здесь сказывается подразделение родов в пределах племени, а также семейно-брачные отношения между родами разных племен в связи с экзогамией. Очень четкое совпадение этнических и диалектных границ наблюдается только при эндогамии” (Соколова, 1983, с. 83).

Все приведенное свидетельствует о том, что носители дочерних говоров развивали свои, исконно материнские, общебурятские фонетическую и морфологическую системы. Все изменения в них происходят на базе существовавших данностей до их локального бытования. Однако в онимической лексике, особенно в антропонимической, наблюдаются заимствования из русского языка в области морфологии и словообразования, в частности, дифференциация имен по грамматическим родам: Булган – Булгита, Эржэн – Эржена, Доржо – Доржуна. Но этот вопрос носит специальный характер. Однако при дальнейшей работе над диалектным материалом желательнее учитывать родовое подразделение в улусах, начиная с этапа собирания материала.

Лексическая система данных говоров, естественно, включает в себя ключевые слова предшествующих эпох, характерные для материнских говоров, а также инновации и заимствования из хоринского говора и литературного бурятского языка. Влияние хоринского говора и литературного бурятского языка присуще, главным образом, для баргузинского и кударинского говоров.

Заимствования в диалектах обусловлены действием закона противоречия между потребностями общения, возникающими в развивающемся обществе. “Рост производительных сил, выражающийся в развитии науки, техники и общественной культуры, постоянное увеличение общественных функций языка и его стилевой вариативности, усложнение форм общест-

венной жизни людей и установление новых отношений между ними – видимо, все вместе взятое вызывает к жизни большое количество новых понятий, для которых язык вынужден найти выражение. Поэтому абсолютный прогресс выражается, прежде всего, в росте словарного состава языка и в увеличении количества значений слов” (Общее языкознание, с. 306). Рост словарного состава и увеличение количества значений слов происходит в результате преодоления всеобщего закона противоречия между потребностями общения и наличными средствами языка (подробнее см.: Скрелина, 1973, с. 113–114).

Для бурятских диалектов ведущим средством преодоления этого закона является заимствование. Но заимствования имеют место не во всех лексико-семантических пластах. Так, в области животноводческой терминологии имеет место просачивание бурятских слов в русский, например: *бурун*, *бурунчик* – бур. *буруу* ‘теленка до года’, *качерик*, *хаширик* – бур. *хашараг* ‘двухгодовалый теленок, двухлетний бычок’. Тогда как в полеводческой терминологии в бурятских диалектах представлена масса русизмов: *борной* – *борона*, *борнойлхо* – *боронить*, *тэниис* – *пшеница*, *орооһон* – *рожь* и т.п., но *хулигэ*, *боодолго*, *боолто* ‘сноп’.

В названиях предметов быта нередко сосуществуют пары бурятского и русского слов: *оэмоһон* – *сүлхи* ‘чулки’, *ур’даар* – *заэмалха* ‘взять взаймы’, *шэгэнүүр* – *в’эсы* ‘весы’, *би’илэг* – *кол’соог* ‘колечко’. В бурятских говорах много советизмов: *колхооз* (колхоз), *коммуниис* (коммунист), *социализма* (социализм), *депуаат* – *депутат*, *бюроо* – *бюро* и т. п. Такого типа заимствования носят общепурятский характер. Но некоторые из подобных пар могут иметь определенные смысловые разграничения: *олоошхо* ‘металлическая ложка’, *халбага* ‘деревянная ложка’, *туруубхэ* ‘трубка русского образца’, а *даа’ан* ‘бурятская трубка’. Примеры заимствованы нами из работ Э. Р. Раднаева (1965), Ц. Б. Цыдендамбаева (1964) с некоторыми вкраплениями собственных.

Живая речь носителей кударинского говора “часто оказывалась настолько пронизанной заимствованиями, что в ней мы видим не просто лексические заимствования, и даже не только замену обычных, нередко хорошо известных в говоре, бурятских слов русскими, но и целые сочетания их, лучше сказать куски, как бы прямо взятые из русской речи и вставленные в бурятскую, так что в итоге получается своеобразное переплетение русской и бурятской речи” (Цыдендамбаев, 1964, с. 67). Далее автор приводит текст речи жителя села Ранжурово Кабанского района, записанный И. Д. Бураевым: “- Бар’аан загъуујаа госудаарствада здаваадалдаг, килограамын руубал’ д’ээс’ит’гүү, али зуун најан мүнгөөр. Подл’оодно ондоо сэнтээ б’аэдаг, эгээ үнтээн п’эрм’ээрнэ дьваа д’ээс’итхадаа...” (там же, с. 68).

Аналогичный речевой текст приводит Г. А. Дырхеева (2002, с. 110). Это все бурятская речь, поскольку она грамматически оформлена по правилам бурятского языка (см.: Л. В. Щерба, 1974, с. 72).

В заключение нашей обзорной работы заметим следующее. По нашему мнению, учитывающему имеющиеся научные исследования интересующих нас говоров, следует различать такие материнские говоры, как верхоленский говор эхиритов, распространенный на территории Качугского и Баяндаевского районов, и булагатский диалект в составе северно-булагатского и южно-булагатского говоров и осинского подговора на территории Боханского, Эхирит-Булагатского районов и Осинского районов Иркутской области.

В дочерних говорах (ольхонском, баргузинском и кударинском) существуют фонетические, морфологические и лексические элементы как эхиритского, так и булагатского материнских говоров. Следовательно, их целесообразно и логично, соответственно, назвать ольхонский эхирит-булагатский говор, баргузинский эхирит-булагатский говор и кударинский эхирит-булагатский говор.

Однако до глубокого научного исследования этих говоров очень далеко. Дело в том, что, во-первых, собранного отрядом отдела языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР “мало” (Цыдендамбаев, 1964, с. 172); в специально посвященных этим говорам работах также недостаточен фактический полевой материал, особенно в лексической части. В тщательной проработке нуждаются материалы бывшего так называемого эхирит-булагатского говора, в котором смешаны элементы булагатского и эхиритского толка.

Для всего этого надлежит разработать новую методику собирания полевого материала с соответствующими вопросниками по каждому разделу диалектов – фонетике, морфологии, лексике.

Методика собирания диалектизмов бурятского языка применительно к эхиритским и булагатским говорам дается в виде приложения к настоящей работе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методика собирания диалектизмов в регионах распространения эхиритских и булагатских говоров

Введение

Ц. Б. Цыдендамбаев справедливо заметил следующее: "... надо признать, что изучение бурятских говоров идет не столько вглубь, сколько вширь. Для того чтобы диалектологические работы стали более содержательными, необходимо улучшить как методы записи, так и методы исследования диалектных материалов.

Следует продолжить и усовершенствовать экспериментальное изучение фонетического состава бурятских говоров, начатое с 60-х гг.

Нам представляется, что предыдущие исследования, проведенные бурятскими диалектологами, вполне подготовили условия для лингвогеографического изучения очень интересного в диалектологическом отношении языка бурят... цель такого исследования – создать диалектологический атлас бурятского языка" (Цыдендамбаев, 1968, с. 174–175).

Сказанное Ц. Б. Цыдендамбаевым заслуживает реализации в практике дальнейшего исследования бурятских диалектов, поскольку применение методики лингвистической географии предполагает значительные ареалы. Первоочередным в исследовании диалектов в ключе лингвистической географии и приемов ареальной лингвистики является сбор полевого материала.

В основе методологического принципа сбора полевого материала должно лежать положение о родоплеменном подразделении бурятского народа. Иными словами, внутри территориальных диалектов (говоров) имеется дробление языковых данностей в соответствии с родовым составом населения. Так, в материнском севернубулагатском говоре наблюдается расхождение в рефлексах исторического *ki в виде соответствий си/ши/ти (*арси, арши, арти* 'водка'), в селе Бурлай (Качугский говор) бытует соответствие ж/д' (*ожор, одир* 'входи'), в селе Хальсин есть лексема *бодорхохо*, в Бурлае и других улусах ему соответствует *дээгуурдэхэ* 'быть высокомерным'. Такого рода расхождения могут быть обусловлены подродовыми подразделениями, а также законом экзогамии, т.е. влиянием женского языка, языка невест из других родов.

Поскольку диалектология интересуется качественными характеристиками систем языка, постольку диалектолог не может пренебрегать речью даже отдельно взятой семьи, носителя былого говора (подговора). Количество потомков рода нас интересует для выявления результатов конкуренции тех или иных форм диалекта – всегда ли победившая форма

принадлежит языку большинства населения. Если нет, то выявить причины такого результата.

Учитывать родовые, подродовые подразделения необходимо еще и в связи с обычаем табу и эвфемизма, которые дифференцированы в отдельных социумах.

Собирание диалектизмов с опорой на родовые подразделения является одной из методологических основ бурятского языкознания.

Настоящие методические указания и вопросники предназначены для собирания диалектизмов среди потомков эхиритского и булагатского племен. В территориальном плане – это Качугский, Баяндаевский, Эхирит-Булагатский, Ольхонский, Осинский районы Иркутской области, Баргузинский, Байкало-Кударинский (Кабанский) районы Республики Бурятия.

Подготовка к собиранию диалектизмов в полевых условиях

Работа собирателя начинается с предварительного изучения истории, этнографии, культуры, религиозных верований бурят исследуемого региона, с тщательного знакомства с фонетическими, морфологическими особенностями конкретного говора (диалекта) по историческим (архивным) источникам и научной литературе по теме.

Собиратель свою работу на местах начинает с изучения родового состава населения, с выявления количества дворов по родам. Желательно уяснить, представители каких родов живут по соседству, так как взаимодействие диалектов начинается именно между соседними семьями и с уяснения этого следует начинать сбор материала.

Следующий важный момент в подготовке собирательской деятельности – это подбор информантов. Желательно иметь по три информанта от каждого рода, подрода. Если род представлен одной семьей, то она является информантом по данному роду. В составе информантов должен быть и представитель молодежи, так как изменения в системе языка происходят при смене поколений.

Требования к информанту. От него ожидаем материал только по его говору, по его роду при условии, что он (она) никогда на продолжительное время не покидали пределы своего улуса. Людей, общавшихся долгое время с представителями иных языковых систем, профессор Г. Д. Санжеев называл “лингвистически испорченными”. И практика показывает, что действительно “испорченные” дают не вполне объективные сведения, путая данности разных говоров. К примеру, ныне живущая в улусе Олой Иркутской области женщина, предки которой триста лет назад переселились сюда из села Басай Качугского района, представилась нам как потомок рода Отоонхойн Ишин булагатского племени. В ходе беседы выяснилось, что она знает слово шоогой ‘домашняя коза’, что выдало ее как носителя качугского говора, но владеющей и булагатским говором.

Желательно иметь информантов из состава невесток, если они из другого рода, так как их язык оказывает влияние на речевую практику детей. В силу этого у детей образуются диалектные синонимические ряды, изменение звукового, морфологического строя исконного говора.

Естественно, информант должен быть человеком словоохотливым, не страдающим речевыми дефектами. Оформление паспорта собираемого материала должно отражать следующее: название улуса, района, рода и племени. Ф.И.О. информанта, его год и место рождения, грамотность, род занятия. Дата записей диалектизмов. Ф.И.О. собирателя с указанием года рождения, места работы и занимаемой должности.

Транскрибированная запись диалектного материала

В практике записи диалектного материала в бурятском языкознании принята упрощенная транскрипция, в основе которой лежит система знаков бурятского алфавита кириллического толка⁸. Принцип отбора знаков из этого алфавита и добавление иных основан на том, что каждый знак должен обозначать только один звук. Транскрипция должна копировать звуковой облик слов и морфем. Поэтому из системы знаков алфавита литературного языка опускаются двузначные знаки, к которым относятся йотированные буквы *е, ё, ю, я*. Следует опустить и букву *й*, которая в орфографии употребляется в составе дифтонгов, в бурятских диалектах, подвергшихся монофтонгизации (ср. лит. *харайха* – диал. *хараэха* ‘скакать, прыгать’, *халаахай* – диал. *халхаэ* ‘крапива’). В орфографии литературного языка лабиализованные дифтонги обозначаются знаками *уй/Уй* – в диалектном *уи, Уи*: лит. *гУйхэ*, диал. *гУихэ* ‘бегать’, лит. *гуйха* ‘просить, спрашивать’, лит. *тθθлэй*, диал. *тθθлээ* ‘почетное угощение в виде вареной бараньей головы’, лит. *харгы*, бул. *харгии*, кач. *харгуи* ‘дорога’. Твердый знак *ь* используется для обозначения сильно редуцированного твердоядного гласного звука, например в кударинском: *загъуун* – лит. и в других говорах *загаһан* ‘рыба’, а мягкий знак *ь* – для обозначения нейтрального редуцированного гласного: орф. *халиба* – диал. *хальба* ‘перелилось через край посуды’.

В систему знаков для транскрипции бурятских диалектизмов вводятся дополнительные 3 буквы и диакритические знаки.

В состав гласных вводятся: знак “фита” для обозначения центрального слабоогубленного звука [θ]: *θдθр* ‘день’, *θндθр* ‘высокий’ – орф. *Үдэр, Үндэр*.

⁸ Основные принципы системы знаков для транскрипции бурятских диалектизмов разработаны Ц. Б. Цыдендамбаевым в работе “Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка”. Улан-Удэ, 1957. 73 с.

Опереднение гласных *а, о* под влиянием мягких согласных обозначается теми же знаками с диакритическим знаком точка или две точки над ними: *бàри* ‘держи’, *тàби* ‘положи’, или в бох., барг. *нàр’ин* ‘тонкий’, *мòрон* или *м’òр’ин* ‘лошадь’, *хòр’ин* ‘двадцать’. Две точки над гласными обозначают большую степень продвинутости звука.

Двойные знаки: *аэ, оэ* – орфографически *ай, ой* (*баэра* – орф. *байра* ‘стоянка; квартира’, *далаэ* – орф. *далай* ‘море, океан’); *уи, Ыи* – орфографически *уй, Ый* (*уитан* – орф. *уйтан* ‘узкий’, *харгуи* – орф. *харгуй* ‘дорога’, *Үиһэн* – *Үйһэн* ‘береста’). Но дифтонги *уи, Ыи* в некоторых говорах реализуются как звук *ы* (*хамсуи* – *хамсы* ‘рукав’). Звуки *аэ, оэ* переходят в *ээ*.

В системе согласных знаков вводится буква *һ* для обозначения специфического фарингального звука бурятского языка: *һара* ‘месяц’, *һаэхан* ‘красивый’. Для обозначения заднеязычного носового согласного вводится двойной знак *нг*: *мунггэн* ‘деньги’ (орф. *мунгэн*), *анг* ‘зверь’ (орф. *ан*).

Мягкие согласные обозначаются соответствующими согласными с диакритическим знаком апостроф (’): *ан’инг* ‘который’, *ám’тан* ‘люди’, *арх’и, арс’и, арш’и* ‘водка’. Зияние, образовавшееся вместо выпавшего интервокального согласного, также обозначается апострофом: *са’ан* – орф. *саһан* ‘снег’.

Вместо опущенных согласных *е, ё, ю, я* вводится знак *ј* с последующим кратким или долгим гласным: *јамар* – орф. *ямар* ‘какой’, *јоһо* – орф. *ёһо* ‘общепринятое правило, обычай, традиция’, *јуу* – орф. *юу* ‘что?’, *мајаһан* – лит. *манггир* ‘дикий лук’, *јоозогор* – орф. *ёозогор* ‘высокий и худой’, *јаажа* – орф. *яажа* ‘как, каким образом’.

Русизмы и иные заимствования, пришедшие через русский язык, должны транскрибироваться без оглядки на их исконные формы. Например: русск. *зипун* – бур *јубхуу*, *мундитук* – *муштуук*, *втулка* – *туулхэ*, *час* – *шаас*, *целковый* – *солхооб*, *очаг* – *ушааг*.

Аналогично в бурятском звучании записываются и тибетско-санскритские имена с аффиксами: *Цэдэн* или *Сэдэн*, *Цыремтил* или *Сэрэмтэл*.

Вопросники для собирания диалектного материала⁹

Приведенные ниже вопросники охватывают фонетический, морфологический и лексический уровни бурятских диалектов. В разделах по фонетике и морфологии они построены так: называется тип диалектизма с последующими примерами соответствий в диалектах, уже известных нам из научных трудов или источников. Собирателю следует выявить те или иные варианты. Желательно в ходе собирания выявить иные материалы различий, не нашедшие отражения в вопросниках. Так, например, на соответствие уу/оо в вопроснике приведены формы *суулга* и *соолго* ‘прорубь’, *суулха* и *соолхо* ‘прорубить’. Информанты могут добавить еще пример *сурхаэ* – *соорхоэ* ‘дырявый’ и т.п. Иными словами, от собирателя и информанта мы ожидаем творческого подхода к столь важной и ответственной для бурятской диалектологии работе – собиранию местных особенностей бурятского языка.

Фонетические диалектизмы можно записывать вне контекста, но с переводом их на русский язык. Лексические и морфологические диалектизмы следует записывать в небольших контекстах также с переводом на русский язык.

I. Вопросы по фонетике

Соответствие кратких гласных первых слогов:

Опереднение гласных:

A/à/ä: *бар* ‘держи’ – *бàр* – *бäр’и*, *таб’и* ‘ставь’ – *тàб’и* – *тäб’и*, *ам’ин* ‘дыхание’ – *ам’ин* – *äм’ин*, *нар’ин* ‘тонкий’ – *нàр’ин* – *нäр’ин*, *àрлиха* ‘уйти’ – *ар’лиха*, *дабхагар* ‘толстый (об одежде)’ – *дàб’хагар*.

A/и: *àр’ха* ‘листья’ – *ираха*, *àл’ха* ‘победить’ – *илаха*.

A/и: *жалагар* ‘блестящий’ – *гилагар*, *жалаэха* ‘блестеть’ – *гилаэха*.

A/о: *надàнда* ‘в прошлом году’ – *н’одондо*.

A/у: *бар’аад* ‘бурят’ – *бур’аад*.

Aa/аэ: *шаанаг* ‘чайник’ – *шаэнаг*, *баагуэ* ‘ничего, сносно’ – *баэгуэ*.

И/ы: *изи* ‘жена, женщина’ – *ыжы*.

И/э: *ил’жэгэн* ‘ишак’ – *элжэгэн*, *итҮҮр* ‘деревянная лопата’ – *этҮҮр*.

И/э: *н’иргэхэ* ‘шуметь’ – *нэр’јэхэ*, *илээ* ‘коршун’ – *эл’ээ*, *ид’ээн* ‘пища’ – *эд’ээн*.

O/ò/ö: *морин* ‘лошадь’ – *мòр’ин* – *мöр’ин*, *хорин* ‘двадцать’ – *хòр’ин* – *хöр’ин*.

⁹ Вопросники составлены с опорой на имеющиеся публикации и наблюдения авторов.

О/у: *добуун* ‘бугор, возвышенность’ – *дубуун, годоһон* ‘унты’ – *гутаһан, холтоһон* ‘кора’ – *хултаһан, ногоһон* ‘утка’ – *нугаһан, зомгооһон* ‘щепка’ – *зумгааһан*.

Ө/У/Үй: *һѳни* ‘ночь’ – *һҮни* – *һҮй, хѳгшэн* ‘старуха’ – *хҮгшэн* – *һѳгшѳн, тѳмѳр* ‘железо’ – *тҮмэр, ѳндѳр* ‘высокий’ – *Үндэр*.

Ө/э: *зѳмѳлхѳ* ‘обвинять’ – *зэмэлхэ, зѳмһѳн* ‘гостинец, подарок’ – *зэмһэн, ѳмдѳн* ‘брюки’ – *Үмдэн, дѳтѳ* ‘напрямик’ – *дүтэ, сѳмѳ* ‘сукно’ – *сэмэ, ѳндѳхѳ* ‘ломать’ – *эмдэхэ*.

У/уу: *мухай* ‘некрасивый’ – *муухай*.

Ү/э: *Үлтэнэг* ‘конопля’ – *элтэнэг, гэдэһэн, гҮтэһэн* ‘живот, брюхо’ – *гэдэһэн, эбшэн* ‘болезнь’ – *Үбшэн, бүһэ* ‘пояс, кушак’ – *бэһэ, гэдэргээ* ‘назад’ – *гҮдэргээ*.

Эјэ/’ии: *бэјэ* ‘сторона’ – *б’ии*.

Соответствия кратких – долгих гласных в первых слогах:

А/аэ: *хашан гээд* ‘как’ – *хаэшан гээд*.

А/уу: *адаһан* ‘скотина, домашнее животное’ – *адууһан*.

Соответствия гласных непервых слогов:

А/аэ: *урагшаа* ‘вперед, на юг’ – *ураэхшаа*.

А/у: *хашарһан* ‘чешуя’ – *хашурһан, мајһан* ‘дикий лук’ – *ман’јуһан*.

А/уу: *бул’жамар* ‘жаворонок’ – *булжамуур, хултаһан* ‘кора’ – *хултуу’ан, загаһан* ‘рыба’ – *загуу’ан, тарган* ‘жирный’ – *таргуун*.

Аа/оо: *угаа* ‘очень, слишком’ – *огоо*.

Ии (ы)/ээ: *тҮр’ии* ‘голенище’ – *тҮрээ, хэрэнсы* ‘крыльцо’ – *хэрэнсээ*.

Оо/оэ: *мохоо* ‘тупой’ – *мохоэ*.

ѳ/үү: *хѳдѳһѳн* ‘кисет’ – *хѳдҮҮ’эн, хѳлѳһѳн* ‘пот, заработок’ – *хҮлҮҮ’эн*.

ѳѳ/ээ: *хҮхѳѳ* ‘кукушка’ – *хҮхээ*.

Уй/Ии/ы: *харгуй* ‘дорога’ – *харгии* – *харгы, дугуй* ‘пешеходный мостик’ – *дугы*.

Ү/э: *ҮрҮһэн* ‘семена’ – *Үрэхэн*.

Ээ/ы: *дэмээ* ‘зря, попусту’ – *дэмы*.

Соответствия согласных:

Различают соответствия согласных в начальных, срединных и конечных слогах. Но мы приводим материал в алфавитном порядке без подразделения на позиции.

Соответствия согласных в рефлексах исторического *ki:

арх'и 'водка' – *арс'и* (*арс'а*) – *арт'и*, *арша*, *дах'ин* 'снова' – *дас'ан* – *дат'ан* – *дашан*, *хал'х'ин* 'ветер' – *хал'с'ан* – *хал'шан*, *х'ируу* 'иней' – *с'ируу* – *т'аруу*, *ш'ируу*.

Другие соответствия согласных:

Б/г: *Үбээ* 'нет' – *Үгээ*.

Б/м: *лаба* 'лама' – *лама*, *набтар* 'низкий' – *намтар*.

Б/п: *бээжэ* 'печь' – *п'ээсэ*.

Б/х: *Үгэшэхэ* 'пороть, сдирать кожу' – *Үхшэхэ*.

Б/ш: *абаадха* 'унести, увезти' – *абааиша*.

Г/х: *гасуура'ан* 'ель, елка' – *хасуурһан* – *хасуури*, *гагнаха* 'паять' – *хагнаха*.

Г'/j: *занг'илаа* 'узел' – *занг'ялаа*.

Д/ј: *дэбдэхэ* 'постелить' – *дэб'јэхэ*.

Д/ж: *наданда* 'в прошлом году' – *ножондо*.

Д/л: *хорголхо* 'прятаться' – *хоргодохо*.

Д/т/һ: *дуудаха* 'исчерпывать' – *дуутха* – *дууһаха*, *ур'даар* 'взаимы' – *ур'һаар*, *дуудаа* 'кончилось' – *дууһаа*.

Д/т: *шордоо* 'зря' – *шортоо*, *гадаһан* 'кол' – *гатаһан* – *гата'ан*, *гҮдэһэн* 'живот' – *гҮтэһэн* – *гҮтэ'эн*, *хојордох'и* 'второй' – *хојорт'хо*.

Д'/ж: *од'роороз* 'зайди' – *ожроороз*, *од'ор* 'зайди' – *ожор*, *од'рохты* 'заходите, входите' – *ожрохтуун*.

Ж/ј: *жаалда* 'жаль' – *јаалда*.

Ж/з: *жиихэ* 'вытягивать' – *зиихэ*.

ј/л: *борјоохоз* 'воробей' – *бор'л'оохой*, *аја* 'или' – *ал'и*.

ј/н: *јэбтэ норхо* 'насквозь промокнуть' – *нэбтэ норохо*, *јамаан* 'домашняя коза' – *н'имаан*.

З/ј: *зургаан* 'шесть' – *јоргоон*.

З/л: *налгаэ* 'беспечный' – *назгаэ*.

З/с: *зами* 'пах (анат.)' – *сами*.

Л/л', н/н': *н'олбохо* 'плевать' – *нол'бохо*, *булшархаэ* 'железа' – *бул'шархаэ*, *мҮлһэн* 'лед' – *мҮл'һэн*.

Л/р: *хошоол* 'вдвоем' – *хошоор*, *јурθл* 'пожелание' – *Үрээр*, *һургаартаэ* 'образованный' – *һургаалтай*.

Л'/н': *ал'им* 'который' – *ан'им*.

М/н: *Үмдэхэ* 'надевать' – *θндθхθ*, *Үмдэн* 'брюки' – *θндθн*, *саламдаэ* 'аляповатый' – *саламдаэ*.

М'/н': *м'ахан* 'мясо' – *н'ахан*.

Р/р': *горхон* 'речка' – *гор'хон*, *хҮр'ин* 'коричневый' – *хҮрэн*, *хҮргэн* 'зять' – *хҮр'гэн*, *Үрэ* 'долг' – *Үр'и*, *хурган* 'палец' – *хур'ган*, *зоргоороо* 'самовольно' – *зор'гоороо*, *хҮрһэн* 'почва' – *хҮр'һэн*.

С/ш: *сарх'и* 'лапоть' – *шархи*, *солоохоз* 'щель' – *шолоохоз*, *сошхо* 'вздогнуть от испуга' – *шошхо*.

Т'/ш: *гат'ир* 'выходи' – *гашар*.

Х/һ: *хахуу хҮрхэ* 'насморг' – *хахуу хҮрэхэ*, *хара* 'месяц' – *һара*, *хуга* 'подмышки' – *һуга*, *ханаан* 'дума, мысль' – *һанаан*, *н'ээ хааха* 'доить корову' – *Үнеэ һааха*.

Ш/һ: *шҮҮшэ* 'долото' – *һҮҮшэ*.

Выпадение согласных в середине слов:

Л/л: *аэлиан* 'гость' – *аэшан*.

һ/л: *саһан* 'снег' – *саан* – *са'ан*, *загаһан* 'рыба' – *загуу'ан* – *заъ'уун*, *анзаһан* 'плуг' – *анзъ'уун* – *анзуу'ан*, *Үхэхэн* – *Үхэ'ан* 'умерший', *Үһэн'иин* – *Ү'н'иин* 'волосы его'.

Эл/л: *хҮдэлмэри* 'работа' – *хҮдмэр* (*хθдмθр*).

Выпадение согласных в конце слов:

Н/н: *Үдэн* 'перо' – *Үдэ*.

Выпадение гласных звуков:

Баатха 'унести' – *абаадаха*, *н'ээн* 'корова' – *Үнеэн*, *таархаха* 'завидовать, зариться' – *атаархаха*, *д'ээл* 'кушай' – *эдеэл*, *сθθн* 'малочисленный' – *Үсθθн*, *Үһэн* 'молоко' – *һҮн*.

Стяжение слов:

ЗҮҮн ураэ 'на юго-востоке' – *зҮҮрээ*, *нэгэ башаэша* (*бишаэха*) – 'немножко' – *нэбшаа*, *таһа татаха* 'оторвать, разорвать' – *таттаха*, *энэи хаһан гэнэ* 'что этот делает' – *энэи шэнгэнэ*, *тиихэдээ хаһан гэнэ* 'что он делает' – *тиидээ шэнгэнэ*.

II. Соответствия морфологических элементов

Падежные формы:

Родительный падеж: -и, -а/-э/θ/-о, -ай/-ой/-эй: *гал'и* – *галай*, *гал'а* 'огня'; *дэгэл'и* – *дэгэл'э* 'шубы'; *анг* 'зверь' – *ан'ји*, *ан'ја* – *ангай* 'зверя'; *булаг* 'родник' – *булаји* 'родника'.

Исходный падеж: -һаа/-һоо/-һээ/-һθθ - *һан/-һон/-һэн/-һθн* - *һа/-һо/-һэ/-һθ* - *аан/-оон/-ээн*: *галһа* – *галһаа* – *галаан* – *галһан* 'от огня'; *м'өр'инһо* – *мөр'инһоо* – *мөр'ноон* – *м'өр'инһон* 'с лошади'; *гэрһэ* – *гэрһээ* – *гэрээн* – *гэрһэн* 'из избы'. В кударинском говоре при выпадении фарингального [h] в форме [һа] окончание исходного падежа имеет вид [-н]/-ан: *Шэтэ'ан* 'из Читы', *гэртэ'ан* 'из дома', *хҮҮр'ан* 'от слова (языка)'.

Формы числа имен:

-нууд/-нҮҮд, -нууд/-нҮҮд: *буунууд* – *буунууд* ‘ружья’, *эл’ээнҮҮд* – *эл’ээнҮҮд* ‘стервятники’.

Некоторые частицы.

Лично-притяжательная частица 3-го лица: *нохой* ‘собака’ – *нохойн* – *нохоэн* ‘его собака’.

Частицы возвратного притяжания: -жаа/-гаа/-нгаа: *аха* ‘старший брат’ – *ахажаа* – *ахынгаа* ‘своего старшего брата’, *мөр’жоо* – *мориноэнгоо* ‘коня своего’.

Некоторые глагольные формы.

Пожелательная форма 2-го лица множественного числа: -гтуй/-гтҮи/-гты/-гтуун/-гтҮүн: *ябагтуй* – *ябагты* – *ябагтуун* ‘идите’, *жэрэгтҮи* – *жэрэгты* – *жэрэгтҮүн* ‘приходите’.

III. Вопросник по лексике

Словарный состав языка в каждом говоре и диалекте обнаруживает те или иные расхождения. Т. А. Бертагаев, считая научно неверной классификацию говоров с точки зрения этнического деления (1961, с. 11), все же признавал, что “... нельзя полностью пренебрегать этнической принадлежностью данного говора” (там же, с. 13). Лексические расхождения возможны даже в языках жителей одного и того же населенного пункта, если носители говора относятся к разным родоплеменным группировкам. Поэтому сбор материала советуем производить по следующей таблице. Предлагаемый перечень лексем может и должен быть дополнен.

Населенный пункт	Ф.И.О., племя (род)	Слово в русском языке (значение слова)	Соответствующее слово в указанном селе (в том числе и устаревшие формы). Слово в тексте с переводом
		Лоб	
		Веки	
		Человек	
		...	

Женщина, жена
Тесть
Свекор
Девушка, девица
Средний сын
Самый младший сын
Предпоследний сын
Ласковое обращение к старшему (брату, сестре)
Тетя, сестра матери
Дядя по отцу
Ласковое обращение к ребенку
Повивальная бабка
Пасынок
Поведение, нрав
Злоба, гнев
Прямой, честный
Прямой, бесхитростный
Коварство
Быстрый, энергичный
Упрямый, строптивый
Остерегаться, побаиваться
Испытывать неудобство, стесняться
Высокомерный
Щедрый, расточительный
Задира, задиристый
Умница, молодец
Подражать
Ласкать, нежить
Целовать
Сумасбродство, безумие
Млечный путь
Болезнь (о детях)
Заикаться
Лечение
Туберкулез
Процесс выздоровления
Этапы выздоровления
Еда, пища

Мука
Блины
Сушеные лепешки
Лепешки
Угощаться
Вареная колбаса из рубленого мяса
Соленый чай, заправленный сметаной и хлебом
Молоко (в детском языке)
Хлеб (в детском языке)
Берестяная шкатулка, мешочек
Деревянная миска для мяса
Ящик, сундук
Вешалка для одежды
Петля у одежды для вешания
Ведро (деревянное, железное)
Игрушка
Кочерга
Клюка
Квашня
Кадушка, бочка
Деревянная мешалка для пахтания масла
Деревянная палка для помешивания курунги
Крынка
Аппарат для перегонки молочного вина
Мешалка для теста
Большая деревянная ложка
Вытаскивать пищу из кастрюли
Лучина
Безрукавка (фуфайка)
Сарафан
Подол
Юбка
Унты
Кожаные боты на меху
Пимы
Варежки (шерстяные)

Шерстяные носки
Чулки
Нижнее белье
Шерстяная плетеная пряжка
для брюк
Изба
Дом
Здание
Город
Летник
Зимник
Осенник
Сток, зарод
Постройки
Стайка
Приусадебные постройки
Окно
Труба, дымоход
Заслон печки
Пепел
Крышка котла
Перед обуви
Опорные столбы в юрте
Ворота в виде решетки
Калитка
Изгородь
Огороженное место для стайки
Изгородь, частокол, палисад-
ник
Огороженное место для стога-
вания сена, хлеба
Дыра
Лестница
Детские салазки
Сани с коробом для возки на-
воза
Гольбашка у саней
Арба
Верхний ремень узды
Сноп
Молотить

Зерно
Яловый (кобылицы, коровы)
Стадо
Породистая (корова)
Девушка (юноша) хорошего
происхождения
Стадо рогатого скота
Толпа людей
Кастрированный козел
Двухлетний баран
Сепарировать молоко
Покос
Волокуша для погрузки сена
Кузнечный горн
Рубанок
Долото
Деревянная кувалда
Ударять деревянной кувалдой
Медведь
Белый медведь
Косуля
Лев
Кабан
Бобр
Суслик
Орел
Рябчик
Глухарь
Кулик
Ястреб
Воробей
Синица
Птенец
Летучая мышь
Клещ
Гнездо
Деревянный капкан
Мушка ружья
Ложе у ружья
Хариус
Елец

Пескарь
Сеть (рыболовная)
Рыболовная удочка
Муха
Маленький комар
Мокша
Овод
Клоп
Клещ
Нарост на деревьях
Роща, заросли низкорослых
лиственниц
Дикий лук
Дикорастущий чеснок
Смородина
Гора (уула или хада)
Лужа
Дождь
Дождь-сеногной
Радуга
Наледь
Медовая роса
Гроза
Перистые облака
Ненастный день
Ясная погода
Удар молнии
Эхо
Метель
Сугроб
Град
Ночь
Звенеть, бренчать
Кричать
Говорить без умолку
Иметь открытое, добродушное
лицо

Смотреть с раскрытым ртом
Суетливо бегать
Лебезить, заискивать
Смотреть смущенно
Резкий, высокий звук (напр.,
яр-яр гэхэ)
Междометие, выражающее
досаду
Сторона (эта, та)
Часть рабочего дня
Завтра, вчера
Позавчера
В этом году
В последнее время
Раньше, до
Объяснять на ломаном языке
Бранить
Реветь (о человеке, собаке)
Плакать
Бросать, кидать
Вялый
Тучный
Неудобно, неловко
Волшебство
Лукавство, коварство
Скала
Углубление, впадина на склоне
горы
Подол горы
Небольшое возвышение на
равнине, бугор
Кочка
Степь
Река
Пещера
Равнина

Камеральная обработка собранного материала

Собранный диалектный материал представляет первичный, основной научный источник. Правильная камеральная обработка и хранение имеют важное значение. Ибо научно и объективно собранный материал и его обработка определяют судьбу научного труда.

Собранный материал следует соответствующим образом оформить: все тетради и листы пронумеровать, на левой стороне обложки или на каждой тетради составить список населенных пунктов, названия родов (или подродов) с указанием района, области. Здесь же составить списки информантов с указанием их биографических данных (фамилия, имя, отчество, год рождения, образование, по какому роду дал материал).

Каждая единица собранного должна быть расписана на отдельные карточки (размером 12х9 см) по принципу – один пример – одна карточка с указанием места сбора. Для экономии места и времени следует составить список сокращений паспортного текста. Например, Ирк. обл. – Иркутская область, Баянд. р-н – Баяндаевский район, ул. – улус. Имя информанта: Алдаров – А, Семен – С, Санжиевич – Санж. Иными словами, их зашифровать. Список должен храниться в тетради с соответствующими материалами. Желательно иметь общий список сокращений имен информантов. Названия источников извлечения также следует зашифровать. Это нужно для того, чтобы можно было бы ссылаться на информантов. Это дань уважения к хранителям бесценного лингвистического материала, ценность которого будет возрастать с каждым годом на бесконечное время.

Грамматические (морфологические), а также лексические диалектизмы должны быть приведены в соответствующем кратком лексическом тексте с переводом на русский язык. В первой строке карточки проставляется год записи материала. Желательно карточки заполнять хорошей пастой черного цвета.

Образец заполнения карточки на однозначное слово:

2004
Мангад ‘русский’ Мангад х Үн мунаэд ‘Русский человек – смелый’.
Название улуса, района, области (или Республики)
ГДС

Образец заполнения карточки на многозначное слово:

2004
Анда. 1. Побратим, названный брат, преимущественно русский. 2. в сочет. Анда оролсохо ‘родниться через брак’. 3. милый друг. Сонхор – Ногоолоэн анда ‘Сонхор – друг Ноголой.’
Название улуса, района. Области (Республики)
АБД

Образец карточки на парное слово:

2004
Хура бороон ‘ненастье’ Хура бороон болоод, Үбэһэ хураэхада һаад болоод байна. ‘Ненастье стало помехой в уборке урожая’.
Название улуса, района. Области (Республики)
ЛТЖ

Образец карточки с фразеологическим выражением:

2004
Ама хҮрэхэ ‘попробовать, отведасть’ ҮҮсээмнаэ мяханһаа ама хҮрэхты. ‘Отведайте мяса нашей усы.’ Название улуса, района. Области (Республики) ЛТЖ

Образец карточки извлечения из источников:

2004
Текст в кавычках. Выходные данные в сокращениях.

Библиографический список

Абашеев Д. Д. Заметки по говору байкало-кударинских бурят // Зап. БМ НИИК. – Улан-Удэ, 1956. – Вып. XXI. – С. 132–145.

Абашеев Д. Д. Предварительный отчет по обследованию говора бурят-монголов Иволгинского и Байкало-Кударинского аймаков // Зап. БМ НИИК. – Улан-Удэ, 1951. – Вып. XI. – С. 140–154.

Абашеев Д. Д. Тункинский говор // Исследования бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 1. – С. 3–34.

Алексеев Д. А. Диалекты бурят-монгольского языка // Учен. зап. ЛГУ, № 98, сер. восточных наук. – Л., 1949. – Вып. 1. – С. 191–195.

Алексеев Д. А. О “территориальных” диалектах бурят-монгольского языка // Материалы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка (26–31 января 1953 года). – Улан-Удэ, 1955. – С. 74–96.

Бабуев С. П. Ареальная лексика в говоре ольхонских бурят // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988. – С. 80–88.

Бабуев С. П. Особенности лексики говора ольхонских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ, 1987. – С. 32–40.

Бабуев С. П. Фонетические особенности ольхонского говора // Сегментные и просодические единицы языков Байкальского региона. – Улан-Удэ, 1991. – С. 105–111.

Балагунова С. С. Звуковые особенности говора осинских бурят // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. – Улан-Удэ, 1987. – С. 94–101.

Балдаев С. П. Материалы о бурятских племенах и родах // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1961. – Вып. 2. – С. 129–133.

Балдаев С. П. Происхождение и расселение иволгинских бурят // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – С. 59–67.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. – Улан-Удэ, 1970. – 363 с.

Балинт Габор. Краткое сообщение о северном бурят-монгольском диалекте: пер. с венг. Лайоша Бэшэ // РО ИМБИТа СО РАН. – № 3476.

Бертагаев Т. А. Западно-бурятский диалект на материале лексики // Академику И. Я. Марру. XIV. – М.; Л., 1935. – С. 143–164.

Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1961. – 160 с.

Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). – М.: Наука, 1974. – 383 с.

Бертагаев Т. А. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке // Зап. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1935. – Вып. 1. – С. 13–37.

Бикбулатов Н. В. Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным полевых наблюдений) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). – Л.: Наука, 1983.

Бобровников А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. – Казань, 1849. – 400 с.

Боржонова А. Н. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский: Материалы по изучению бурятского языка и его диалектов. – Иркутск, 1927. – Вып. 2. – 17 с.

Бородина М. А. Проблема консолидации и единства швейцарского народа // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). – Л.: Наука, 1983. – С. 90–102.

Бородина М. В. Проблемы лингвистической географии (на материале французского языка). – М.; Л.: Наука, 1966. – 216 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты: опыт диахронического исследования. – Новосибирск: ВО “Наука”, 1992. – 216 с.

Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск: Наука, 1978. – 302 с.

Будаев Ц. Б. Лексические особенности бурятских диалектов // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988. – С. 27–42.

Будаев Ц. Б. О бурятских диалектах // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1998. – С. 232–234.

Будаев Ц. Б. О тюрко-монгольских языковых связях в области лексики (на материале говоров бурятского языка): тез. докл. и сообщений VII регион. конф. по диалектологии тюркских языков. – Алма-Ата, 1973. – С. 105–107.

Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. – Улан-Удэ, 1970. – 88 с.

Будаев Ц. Б. Особенности развития лексики западнобурятских говоров // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ, 1987. – С. 21–31.

Бураев И. Д. Архивные материалы по бурятским диалектам // Исследования бурятской филологии. – Улан-Удэ, 1978. – С. 68–75.

Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка. – Улан-Удэ, 1959. – 195 с.

Бураев И. Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988. – С. 3–26.

Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. – Улан-Удэ, 1996. – С. 3–16.

Бураев И. Д. Разработка вопросов фонетики монгольских языков в трудах Г. Д. Санжеева // Монголоведные исследования. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1997. – Вып. 2. – С. 88–102.

Бураев И. Д. Спирантизация согласных в монгольских языках // Третий междунар. конг. монголоведов. – Улан-Батор, 1977. – Т. II. – С. 38–43.

Бураев И. Д. Становление системы гласных фонем современного бурятского языка // Фонетические исследования языков и диалектов. – Улан-Удэ, 1987. – С. 3–14.

Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995. – 197 с.

Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 803 с.

Буяхаева Л. И. Диалектизмы в языке эхирит-булагатского варианта эпоса “Гэсэр” // Вопросы ономастики, диалектологии, фольклористики и литературоведения. – Иркутск, 2001. – С. 15–17.

Взаимодействие лингвистических ареалов. – Л.: Наука, 1980.

Викторова Л. Л. К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). – Л.: Наука, 1983. – С. 114–121.

Владимирицов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия: Введение и фонетика. – Л.: Ленингр. вост. ин-т, 1929. – 436 с.

Вопросы теории лингвистической географии. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 254 с.

Вяткина Н. В. Очерки культуры и быта бурят. – Л.: Наука, 1969. – 218 с.

Гальперин И. Р. Информативность единиц языка: пособие по курсу общего языкознания. – М.: Высшая школа, 1974. – 174 с.

Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М., 1962. – 340 с.

Дамдинов Д. Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора // Исследования бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – С. 74–116.

Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. – М.: Наука, 1978. – 210 с.

Дарбеева А. А. Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят // БКНИИ СО АН СССР. Сер. Востоковедная. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 3. – С. 118–126.

Дешериев Ю. Д. Советская методология, теория и практика прогнозирования языкового развития. – М., 1979. – 19 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 621 с.

Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1964. – 246 с.

Дондуков У.-Ж.Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. – Улан-Удэ, 1974. – 99 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. – Л.: Наука, 1969. – 675 с.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: Проблемы функционирования и перспективы развития. – Улан-Удэ, 2002. – 187 с.

Еренсей / подг. текста, пер. и прим. М. П. Хомонова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 206 с.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. – Новосибирск: Наука, 2000. – 395 с.

Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // ВЯ. – 1954. – С. 3–25.

Задорожный Б. М. История языка и экстралингвистические факторы. – ВЯ. – 1975. – № 1. – С. 27–38.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVII века. – Иркутск, 1968. – 247 с.

Кайдаров А. Т. Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-Ата, 1970. – Вып.Х. – С. 57–67.

Калужинский С. Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // II Международный конгресс монголоведов. – Улан-Батор, 1973. – Т. I. – С. 217–220.

Ким Н. В. Материалы Лангаса о культуре и быте бурят // Этнограф. сб. / БКНИИ СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1965. – Вып.4. Культура и быт народов Бурятии. – С. 141–156.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 620 с.

Колесникова В. Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – С. 257–336.

Колесникова В. Д. Названия частей тела в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – С. 71–103.

Кондрашов А. Звуки и знаки. – М.: Знание, 1966.

Коновалов П. Б. К истокам этнической истории народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 5–29.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – М., 1963. – С. 143–346.

Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. – М., – Вып. IV. – 1965.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 212 с.

Лигети Л. Табгачский язык – диалект сяньбийского // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 1. – С. 107–117.

Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев, 1973.

Лувсан-Дэндэв А. К вопросу об эволюционной теории лексики // II Междунар. конгресс монголоведов. – Улан-Батор, 1973. – Т. 1. – С. 272–278.

Лукьянова Н. А. К вопросу о нормах диалектного языка // Вопросы лексикологии. – Новосибирск, 1977. – С. 86–94.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

Мартынов А. Принцип экономии в фонетических изменениях/ Проблемы диахронной фонологии. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 260 с.

Материалы научной конференции по вопросам бурятского языка. – Улан-Удэ, 1955. – 206 с.

Матхеев Б. В. Звуковой состав эхирит-булагатского говора // Учен. зап. БМ ТПИ.– Улан-Удэ, 1957. – Вып. XI. – С. 199–220.

Матхеев Б. В. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора // Сб. тр. по филологии БМ НИИК.– Улан-Удэ, 1958. – Вып. III.

Матхеев Б. В. О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та им. Доржи Банзарова. – 1970. – Вып. XXXVII. – С. 52–59.

Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследования бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – С. 3–46.

Митрошкина А. Г. Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских говоров.– Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – С. 47–73.

Митрошкина А. Г. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят // Сб. тр. по филологии.– Улан-Удэ, 1958. – Вып. III. – С. 283–295.

Наделяев В. М. Проект фонетической транскрипции (УУФТ). – М.; Л., 1960. – 62 с.

Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000. – 189 с.

Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973. – 318 с.

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 602 с.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 424 с.

Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. – Казань, 1878. – 265 с.

Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий. – СПб., 1787. – Ч. 1. – 411 с.; Ч. 2 – 491 с.

Подгорбунский И. А. Материалы для грамматики разговорного бурятского языка. – Иркутск, 1909. – 76 с.

Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. – Иркутск, 1909. – 340 с.

Поливанов Е. Д. Избранные статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.

Потанин А. В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. – М., 1905. – 60 с.

Пюрбеев Г. Ц. Современная монгольская терминология: Лексико-семантические процессы и деривация. – М.: Наука, 1984. – 120 с.

Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках // ВЯ. – 1971. – № 3. – С. 89–93.

Раднаев Э. Р. Баргузинский говор // Исследования бурятских говоров: тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 17. Сер. языковедческая. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 1. – С. 71–107.

Раднаев Э. Р. О лексических особенностях баргузинского говора // Зап. БМ НИИК. – Улан-Удэ, 1956. – Вып. XXI. – С. 146–162.

Раднаев Э. Р. О фонетических своеобразиях баргузинского говора // Сб. тр. по филологии. – Улан-Удэ, 1958. – Вып. III. – С. 296–301.

Рамстедт Г. И. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасско-ургинского говора. – СПб.: Изд-во Акад. Науки, 1908. – 66 с.

Рассадин В. И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969. – С. 129–134.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982. – 198 с.

Рассадин В. И. Присяянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1996. – 215 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I, кн. 1. – 221 с.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: Опыт исследования, тексты: пер. и примечания. – Пг., 1913–1914. – Вып. 1 – 120с., Вып. 2. – 129 с., Вып. 3 – 137 с.

Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты // Учен. зап. ин-та востоковедения. Лингвистический сборник. – М., 1952. – Т. 4. – С. 30–125.

Санжеев Г. Д. Монгольские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных систем. Современное состояние и проблемы. – М., 1981. – С. 235–258.

Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания в свете трудов И. В. Сталина // Записки БМ НИИК.– Улан-Удэ, 1951. – Вып. XI.

Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 104 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.

Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. – М.: Наука, 1964. – 91с.

Сарыбаев Ш. Ш. Монгольско-казахские лексические параллели (на уровне говоров) // Проблемы общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 256–262.

Свинин В. В. Древняя история Предбайкалья и ранние этапы этногенеза западных бурят // История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. – М.: “Прогресс-Культура”, 1995. – С. 9–86.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Семенова В. И. Система личных имен эхиритских бурят: дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2002. – 189 с.

Серебреников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

Серебреников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – С. 451–501.

Скрелина Л. М. Некоторые вопросы развития языка. Проблемы и методы диахронного исследования. – Минск, 1973. – 142 с.

Скрынникова Т. Д. Изучение традиционной культуры бурят (новый подход) // Монголоведные исследования. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1997. – Вып 2. – С. 3–19.

Соколова З. П. Выявление этнических ареалов на основе анализа брачных связей населения и языковых данных (на материале обских угров) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). – Л.: Наука, 1983.

- Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. – М., 1964.
- Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. – М., 1961.
- Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 137 с.
- Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. Исследования, тексты, словарь. – М.: Наука, 1973. – 391 с.
- Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: материалы и словари. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
- Тугутов И. Е.* Материальная культура бурят. – Улан-Удэ, 1958. – 215 с.
- Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд. – М., 1991. – 559 с.
- Хомонов М. П.* Боханский говор // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 1. – С. 35–70.
- Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. – Новосибирск: Наука, 1989. – Т. 2. – 241 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1972. – 662 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979. – 148 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – С. 164–175.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Краткая характеристика говора кударинских бурят // Крат. сообщ. ин-та народов Азии. – № 83. Монголоведение и тюркология. – М., 1964. – С. 57–68.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Новое в работе диалектологов Бурятии // Исследования бурятских и русских говоров. – Улан-Удэ, 1977. – С. 3–7.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* О диалектных различиях в разговорном бурятском языке // Тр. БК НИИ. – Сер. востоковедения. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 3. – С. 111–117.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка. – Улан-Удэ, 1957. – 73 с.
- Черемисов К. М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. IV. О кабанском подговоре // Зап. БМ НИИКЭ. – Улан-Удэ, 1947. – Вып. VII. – С. 125–136.
- Черемисов К. М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. III: Несколько замечаний о тункинском диалекте // Зап. БМ НИИЯЛИ. – Улан-Удэ, 1941. – Вып. 3–4. – С. 121–143.
- Шагдаров Л. Д.* Бурятский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – М., 1969. – С. 383–464.

Шагдаров Л. Д. Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969. – С. 10–28.

Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 192 с.

Щерба Л. В. О понятии “смешение языков” / Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Castren Alexandr M. Versnen einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzen Worterverzeichnis. – Spb., 1957. – 244 s.

Messerchmidt D. G. Forsinugsreise durch Sibirien, 1720–1727. – Berlin: Academie. – Verbatg, 1962 – 1977. – Bd. 1–5.

Цолоо Ж. Захчисны аман аялгуу. – Улаанбаатар: ШУА, 1965. – 214 х.

Принятые сокращения

БЛ – Бурятские летописи
Бул. – булагатский
Вм. – вместо
Диал. – диалектное
ДТС – Древнетюркский словарь
Ед.ч. – единственное число
Мн.ч. – множественное число
Орф. – орфографический
Пер. – переносное
Ср. – сравните

Названия языков и говоров

Барг. – баргузинский
Баянд. – баяндаевский
Бох. – боханский
Др.-тюрк. – древнетюркский язык
Зап.-бур. – западнобурятские говоры
Кач. – качугский
Кудар. – кударинский
Лит. – литературный
Ольх. – ольхонский
Онон. хам. – говор ононских хамниган
Сев.-бул. – северно-булагатский
Стп.-м. – старописьменный монгольский язык
Хор. – хоринский
Эх.-бул. – эхирит-булагатский
Юж.-бул. – южно-булагатский

Анастасия Григорьевна Митрошкина
Виктория Ильинична Семенова

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭХИРИТСКИХ И
БУЛАГАТСКИХ БУРЯТ**

Учебное пособие

Редактор М.А. Айзиман

Темплан 2004 г. Поз. 51.

Подписано в печать 21.10.04. Формат 60х90 1/16.
Печать трафаретная. Уч.-изд. л. 3,7. Тир. 100 экз.

Редакционно-издательский центр
Иркутского государственного университета
664000, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

